

Я. Михайлов (Яков Михайлович Захер)

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА и ЦЕРКОВЬ

издание 2-е

М.-Л.: ОГИЗ «Московский рабочий». 1931

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2012.

Предисловие к 2-му изданию

Введение

I. Церковь и государство накануне Коммуны

II. Рабочий класс и религия в эпоху Коммуны

III. Партии Парижской Коммуны и религия

IV. Отделение церкви от государства

V. Отделение школы от церкви

VI. Раскрытие преступлений церковников

VII. Расстрел заложников

Заключение

Тематические материалы в нашей библиотеке:

о Парижской коммуне - документы, исследования, мемуары, публицистика, пьесы, стихотворения, романы, живопись и графика, радиопередачи и фильмы

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

В частности, см. работы

Парижская коммуна в борьбе с религией и церковью: сб. документов с предисл. *Ц. Фридлянда*

А. Молок. Народное просвещение во время Парижской коммуны 1871 года / под редакцией и с предисловием Б.Б. Беккера

А. Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны 1871 года (по документальным источникам): Борьба за светскую школу. Организация народного образования. Клубы. Женское движение

ПРЕДИСЛОВИЕ

К О ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящее второе издание «Парижской коммуны и церкви» выходит в свет спустя год после первого. В целях придания книге более популярного характера, автор счел своим долгом несколько расширить введение, остановившись в нем вкратце на характеристике отличительных черт Коммуны и выяснения ее исторического значения. Из тех же соображений придания книге более популярного характера, автор решился выбросить некоторые второстепенные детали, а также значительную часть имевшихся в первом издании примечаний. Взамен последних автор считает нужным указать здесь на использованные им источники и литературу.

Для первой главы («Церковь и государство накануне Коммуны») использованы главным образом следующие работы:

1. De la Gorce — „Histoire du Second Empire“.

2. Taxile-Delord — „Histoire du Second Empire“.

3. Альберт Тома — «Вторая Империя».

4. Жорж Вейль — «История социального движения во Франции».

Глава вторая («Рабочий класс и религия в эпоху Коммуны») основана почти полностью на материалах, содержащихся в известной книге Molinari — „Les clubs rouges pendant le siège de Paris“.

В третьей главе («Партии Парижской коммуны и религия») наряду с ранее указанными работами Вейля и Тома использованы книги:

1. Жеффруа — Заключенный.

2. Морис Домманже — «Бланки».

3. Стеклов — «Бакунин».

Главы IV — VII основаны главным образом на газетах Коммуны, указания на кои содержатся в тексте. Официальные протоколы Коммуны и постановления ее органов цитируются по „Journal Officiel“ Коммуны и „Procès-verbaux de la Commune de 1871“, т. I, в издании Bourgin et Henriot. Кроме того, использованы некоторые общие работы по истории Коммуны, книги Максима Вильома („В дни Коммуны“), Зеваэса („Огюст Бланки“), мемуары Рошфора („Les aventures de ma vie“) и т. д.

Автор

Ленинград, 20 февраля 1931 г.

ВВЕДЕНИЕ.

«Советская власть, — писал В. И. Ленин в январе 1919 г. в своем «Письме к рабочим Европы и Америки», — есть второй всемирно-исторический шаг или этап развития диктатуры пролетариата. Первым шагом была Парижская коммуна». (В. И. Ленин, собр. соч., 3 издание, т. XXIII, стр. 496). Но в противоположность советской власти, являющейся детищем пролетариата, еще задолго до октября 1917 года сложившегося в «класс для себя» и боровшегося под руководством стальной ленинской партии, Парижская коммуна 1871 г. была результатом не планомерного и сознательного стремления к заранее намеченной цели, а стихийного восстания изученных и истрадавшихся парижских рабочих и ремесленников.

Эта основная и наиболее характерная черта Парижской коммуны чрезвычайно ярко и отчетливо выяснена в следующих словах статьи В. И. Ленина «Памяти коммуны», написанной еще в 1911 г.:

«Коммуна возникла стихийно, ее никто сознательно и планомерно не подготовлял. Неудачная война с Германией, мучения во время осады, безработица среди пролетариата и разорение среди мелкой буржуазии; негодование массы против высших классов и против начальства, проявившего полную неспособность, смутное брожение в среде рабочего класса, недовольного своим положением и стремившегося к иному социальному укладу, реакционный состав Национального собрания, заставлявший опасаться за судьбу республики, — все это и многое другое соединилось для того, чтобы толкнуть парижское население к революции 18 марта, неожиданно передавшей власть в руки национальной гвардии, в руки рабочего класса и примкнувшей к нему мелкой буржуазии». (В. И. Ленин. Собр. соч., 1-е изд., т. XI, ч. 2, стр. 275—276).

Само собой разумеется, что эта наиболее характерная черта Парижской коммуны 1871 г. отнюдь не была случайностью, а целиком и полностью вытекла из отличительных черт тогдашней Франции и именно поэтому Коммуна, не взирая на весь энтузиазм и героизм ее защитников, была заранее осуждена на поражение и гибель. «Для победоносной социальной революции, — говорит В. И. Ленин в только что цитированной статье, — нужна наличность, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовленность пролетариата. Но в 1871 г. оба эти условия отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.). С другой стороны,

не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления. Не было ни серьезной политической организации пролетариата, ни широких профессиональных союзов и кооперативных товариществ» (Собр. соч., 1-е изд., т. XI, ч. 2, стр. 277).

Именно в этой недостаточной развитости тогдашнего французского рабочего класса (в свою очередь вытекавшей из недостаточной развитости экономических отношений) и в полном отсутствии руководства со стороны подлинно пролетарской партии и заключается корень многочисленных ошибок Парижской коммуны, если и не вызвавших, то во всяком случае облегчивших и ускоривших ее поражение. Ошибки эти общеизвестны и могут быть в основном и главным сведены к нижеследующему:

1. Вместо того, чтобы воспользоваться испугом и растерянностью «законного» версальского правительства и сразу же обрушиться на него, Центральный комитет национальной гвардии, а впоследствии и сама Коммуна предпочли придерживаться оборонительной тактики. Эта тактика не только позволила версальцам привести в порядок их первоначально расстроенную и деморализованную армию, но и дала Тьеру возможность стовориться с Бисмарком и выставить против Парижа те войска, которые в момент переворота еще находились в прусском плену. Тем самым не кт иной, как сама Коммуна облегчила создание той вооруженной силы, посредством которой Париж был захвачен в кровавые дни конца мая 1871 г.

2. Демократически-пацифистские иллюзии не только прудонистско-бакунинистского меньшинства, но и значительной части якобинско-бланкистского большинства Коммуны не позволили ей достаточно широко применить тот метод красного террора, который один только мог заставить версальцев бояться Коммуны. Точно так же нежелание Коммуны воспользоваться золотым запасом Французского банка значительно облегчило финансовое положение версальского правительства и упростило возможность его соглашения с Бисмарком.

3. Непонимание значительным большинством вождей Коммуны огромной важности соглашения парижского рабочего класса с крестьянством провинции облегчило использование этого последнего версальцами в интересах контрреволюции. Другими словами, Парижская коммуна не только не привлекла на свою сторону этого своего возможного в потенции союзника, но и допустила его превращение в союзника Версаля.

Таковы важнейшие из ошибок Парижской коммуны и вряд ли есть какая-либо надобность доказывать, что все они объясняются одной и той же причиной — недостаточной зрелостью тогдашнего французского рабочего класса и отсутствием у него руководства со стороны подлинно пролетарской партии на подобие той, какой в русском революционном движении была партия большевиков.

Однако, несмотря на все вышесказанное, Парижская коммуна 1871 г. была все же первым в истории проявлением диктатуры пролетариата. И если это проявление в силу только что указанных причин сопровождалось значительными ошибками, то это не дает ровно никаких оснований к умалению его исторического значения. Достаточно сказать, что, невзирая на все свои ошибки, именно Парижская коммуна 1871 г. была первым в истории человечества правительством, сложившим аппарат буржуазной государственности, и уже одно это делает ее одним из величайших в истории событий и ставит ее в положение прямого предшественника советской власти.

В апреле 1871 г., т. е. в самый разгар деятельности и борьбы парижских коммунаров, Карл Маркс писал в письме к Кугельману:

«Если ты просмотришь последнюю главу «18 брюмера», ты увидишь, что, по моему мнению, ближайший подъем французской революции будет попыткой не передать бюрократически-военную машину из одних рук в другие, как это бывало до сих пор, а разрушить эту машину. Именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте. Такова как раз попытка наших героических парижских товарищей» (разрядка наша.—Я. М.).

В чем именно выразилась эта попытка Коммуны 1871 г. разрушить «бюрократически-военную машину» старого буржуазного государства — общеизвестно: это упразднение парламентаризма, уничтожение постоянной армии, отнятие у полиции ее политических функций, лишение чиновников их прежнего привилегированного положения и т. д. Далеко не последнее место в этом перечне занимает и произведенное Парижской коммуной отделение церкви от государства и вообще ее борьба с католической церковью, этой важнейшей опорой цезаристского режима Наполеона III и, родившегося из «революции» 4 сентября 1870 г., подлого «правительства национальной обороны».

«Уничтожив регулярную армию и полицию, эти орудия материальной силы старого правительства, Коммуна немедленно приступила к сокрушению власти попов, этого орудия духовного порабощения: она декретировала распускание и отчуждение всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом. Священники должны были вернуться к скромной жизни частных людей и, подобно их предшественникам — апостолам, жить милостыней верующих. Все учебные заведения, поставленные вне всякого влияния церкви и государства, стали бесплатными для всех. Таким образом, школьное образование делалось доступным всем, а с нации были сняты оковы, наложенные на нее классовыми предассудками и правительственной властью»¹⁾.

Таким образом, хотя отделение церкви от государства и школы от церкви, взятое само по себе, еще отнюдь не является

¹ К. Маркс.—Гражданская война во Франции, изд. «Прибой», 1926, стр. 42.

мерой чисто социалистического характера и может иметь место (как это было, например, в той же Франции в первые годы XX века) и в буржуазном государстве, но в о б щ е м к о н т е к с т е мероприятий Парижской коммуны, ее борьба с церковью означала тягчайший удар по буржуазной государственности и составляла одно из важнейших звеньев в предпринятом коммунарами деле разбития старого государственного аппарата. Вот почему изучение антирелигиозной деятельности Коммуны 1871 г. составляет одну из важнейших задач, стоящих перед историками первого в истории опыта пролетарской диктатуры. Выяснение основных этапов этой деятельности и является задачей последующих глав.

I. ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО НАКАНУНЕ КОММУНЫ

«Никогда еще»,—говорит об эпохе Второй Империи известный клерикальный историк де-ла-Горс, — «церкви не получали столь значительного количества подношений; никогда еще не обращали столько внимания на восстановление церковных зданий; никогда еще не обогащалась в такой мере церковная утварь».

Это утверждение клерикального историка является авторитетным признанием факта, всего меньше могущего удивить историка-марксиста. Ведь, если, по известной характеристике В. И. Ленина, «основной исторический признак бонапартизма: лавирование опирающейся на военщину (на худшие элементы войска) государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга ², то как бы естественным дополнением этой формулы служит мысль Маркса, что «господство попов в качестве правительственного орудия есть также наполеонская идея» ³. Блестящей иллюстрацией этого положения может служить вся история Наполеона III.

Если в эпоху июльской монархии преобладающая часть французской крупной буржуазии была в религиозных вопросах настроена весьма свободомысляще, то страшный «красный призрак» июньских дней 1848 г. решительно изменил ее настроение и привел ее к твердому убеждению, что одной из важнейших опор «свободы и собственности», т. е., иначе говоря, буржуазного правопорядка, является религия. Результатом этого явился столь ярко выраженный клерикальный характер всего законодательства 1849—1851 гг., блестящую оценку которого мы находим в следующих строках марксовского «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта»:

Я не намерен здесь заниматься историей ее (буржуазия.—Я. М.) законодательной деятельности. Последняя за рассматриваемый период резюмируется в двух законах: в законе, который восстановил налог на вино, и в законе о народном образовании, который уничтожил неверие. Если потребление вина было для французов затруднено, зато тем обильнее получали они воду наставлений в добродетельной жизни. Если законом о винном акцизе буржуазия объявила старую ненавистную систему французских налогов неприкосновенной, то при помощи закона о народном образовании она хотела обеспечить старое настроение духа у масс, помогавшее переносить эту систему.

² В. И. Ленин—Собр. соч., 1-е изд., т. XIV, ч. 2, стр. 33.

³ К. Маркс—Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.

«Поразительная вещь: орлеанисты ⁴, либеральные буржуа, эти старые апостолы вольтерьянства и эклектической философии, вверяют управление французским духом своим прирожденным врагам—иезуитам. Но орлеанисты и легитимисты ⁵, как бы ни расходились они в вопросе о претенденте на корону, прекрасно понимали, что для соединенного господства их необходимо соединить и средства угнетения двух эпох, необходимо репрессивные орудия июльской монархии дополнить и усилить репрессивными орудиями реставрации».

Луи Наполеон Бонапарт прекрасно учел это настроение крупной буржуазии. Сближение между ним и католической церковью началось задолго до переворота 2 декабря 1851 г., открывшего «принцу президенту» дорогу к императорской короне. Еще до избрания Луи-Наполеона президентом Республики, рассказывает в своей книге «Католическая партия» известный клерикальный деятель той эпохи—Фаллу, «г. де Монталамбер ⁶ имел ряд совещаний с принцем ⁷. На этих тайных совещаниях дебатировались всевозможные патриотические и мудрые идеи; там были произнесены все полезные для Франции слова; там зародилось все, что могло вытечь из забот настоящего и будущего».

При таком положении вещей неудивительно, что католическое духовенство бурно приветствовало переворот 2 декабря 1851 г. и что уже 12 декабря тот же Монталамбер призывал всех католиков признать новую власть, «чтобы избежать гибели страны».

Закрепленное таким образом кровью жертв декабрьских баррикад соглашение между Наполеоном III и католической церковью и в дальнейшем являлось краеугольным камнем политики обоих договаривающихся сторон. Будучи по своим личным убеждениям довольно далеким от религии (это признает даже де-ла-Горс), Наполеон III в своих речах неизменно подчеркивал свое сочувствие католицизму. Так, еще будучи только президентом, Луи-Наполеон в качестве одной из своих задач ставил «приобщение к религии, морали и благополучию той, все еще многочисленной, части населения, которая, в стране веры и благочестия, лишь едва знакома с учением Христа». А в мае 1868 г., т. е. уже в конце своего правления, Наполеон III утверждал, что «церковь является святилищем, сохраняющим в полной неприкосновенности величайшие принципы христианской морали, возвышающие душу над материальными интересами».

Эти речи императора не были пустой декламацией. Не только внутренняя, но и внешняя политика Второй Империи почти неизменно руководствовалась интересами воинствующего католицизма.

⁴ Сторонники восстановления орлеанской династии, низвергнутой февральской революцией 1848 г.

⁵ Сторонники восстановления «легитимной» (т. е. законной) династии Бурбонов, свергнутой июльской революцией 1830 г.

⁶ Вождь клерикальной партии.

⁷ Т. е. с Луи-Наполеоном.

В этом смысле особенно характерна итальянская политика Наполеона III, в которой, несмотря на целый ряд колебаний и противоречий, основной мыслью всегда оставалось то проформулированное в 1857 г. министром Руэром положение, что «Италии никогда не удастся захватить Рима. Франция никогда не потерпит такого насилия над ее честью и над католицизмом». А колебания и непоследовательность, столь типичные для всей как внутренней, так и внешней политики Второй Империи, объясняются отнюдь не недостатками католического рвения со стороны императора и его правительства, а лишь тем, что вся эта политика была не чем иным, как лавированием между интересами самих различных классов, а следовательно и политикой неизбежных полумер и компромиссов.

Само собой разумеется, что эти колебания и противоречия должны были порою вызывать со стороны воинствующего католицизма довольно резкие нарекания, иногда даже принимавшие форму прямой оппозиции. Но, что чрезвычайно характерно, решительно протестуя против отдельных мер политики Наполеона III, вожди клерикальной партии почти всегда подчеркивали свою преданность императорскому режиму, как таковому.

«Недовольство прелатов тем, что они называли помощью власти революционному движению», — говорит Таксиль-Делор в своей «Истории Второй Империи», — не мешало очень многим из них поддерживать тесные отношения с императорской фамилией. Дни рождения императора, императрицы и наследного принца ежегодно доставляли им повод выразить свои верноподданнические чувства. Простые священники старались не отставать в этом смысле от епископов; за поздравлениями зачастую следовали и подношения».

«В награду за свое поведение, духовенство было осыпано милостями. Побуждаемое своими собственными чиновниками, которые прекрасно сознавали важность поддержки со стороны католиков в департаментах, правительство не отказывало духовенству ни в каких почестях и привилегиях. Разрушенные кресты были восстановлены; чиновники приглашались присутствовать на религиозных процессах; католическим миссиям выдавались разрешения и оказывалась помощь в надежде, что их деятельность составит «серьезное препятствие для революционной пропаганды и для развития демагогических сообществ». Были случаи увольнения чиновников за то, что они не присутствовали на какой-нибудь церковной службе».

Пантеон ⁸ был возвращен католической церкви для целей богослужения; основание женских монашеских орденов было значительно облегчено; жалование епископам было повышено; направленные против религии сочинения были изъяты из обращения, и, что уже было прямо неслыханным делом, — духовенство, несмотря

⁸ Бывшая церковь св. Женевьевы, превращенная в эпоху Великой Французской Революции в усыпальницу для великих людей.

на полный разгар реакции, сохранило право свободно собираться на провинциальные с'езды... Префекты⁹ во всех своих речах прославляли провидение и испрашивали благословения епископа для официальных празднеств и постных дней... И руководимые газетой „L Univers“¹⁰ сельские священники также вслауски возносили к богу молитвы о здравии благоверного императора».

И все это нисколько не удивительно: ведь, если духовенство видело в императоре своего лучшего друга и защитника, то, с другой стороны, и правительство Наполеона III, а с ним вместе и вся буржуазия, не без основания рассматривали католическую религию, как самый надежный оплот против того «красного призрака», который так напугал их в навеки памятные дни июня 1848 г. «Содержание кюре, — писал в 1852 г. министр внутренних дел в циркуляре об обществах взаимопомощи, — окажет весьма ценную поддержку для достижения добрых результатов. Слово его может объединить, примирить, внушить одним обязанность к экономии, другим — долг самопожертвования. Поставить ассоциацию под покровительство религии — значит заимствовать все, что есть хорошего возвышенного, благородного у тех старых корпораций, которые шли под знаменем креста и носили имя святого».

Это значило сказать не что иное, как то самое, что в несравненно более ясной и отчетливой форме провозгласил когда-то Наполеон I: «общество не может существовать без религии. Когда человек умирает с голоду рядом с другим, у которого все в изобилии, ему было бы невозможно мириться с этим неравенством, если не было бы власти, которая говорит ему: так богу угодно. Необходимо чтобы на свете существовали богатые и бедные, а в будущем вечном царстве все будет иначе».

То, что во времена дяди (Наполеона I) можно было говорить прямо и открыто, в эпоху племянника (Наполеона III) приходилось уже облекать в туманную форму слов о необходимости внушать чувство самоотвержения, но сущность дела от этого нисколько не меняется: — и тут, и там религия восхваляется, как лучший страж буржуазного общества.

При такой точке зрения не удивительно, что все дело народного образования было отдано Второй Империей в руки католического духовенства, в лице его многочисленных конгрегаций, количество которых росло не по дням, а по часам. Специальный декрет 31 января 1852 г. значительно упрощал процедуру открытия женских конгрегаций.

А ведь в это время насчитывалось уже 1836 религиозных учреждений, в число которых, между прочим, входило 95 женских конгрегаций, имевших право действовать в пределах всего государства, и 224, ограниченных рамками соответствующих епархий

В результате этого, если в период 1839—1848 г. женские конгрегации открывали в среднем по 360 школ ежегодно, то соответствующая цифра для 1849—1857 г. составляет уже 396.

Не менее быстро росли и мужские конгрегации. В 1848 г. орден «Братьев христианской догмы» насчитывал 3.690 членов, а в 1865 г. их было уже 7726. В 1852 г. насчитывалось 13 мужских религиозных ассоциаций, созданных специально для руководства низшим образованием. при чем в руках их находилось 1749 школ.

Существовавшее в эпоху Второй Империи законодательство открывало величайшие возможности для замены светского образования духовным. Не говоря уже о полной свободе открытия специально церковных школ — свободе, которую духовенство широко использовало, даже государственные школы сплошь и рядом попадали в руки церковников. Правда, по букве закона существовало правило, согласно которому при открытии преподавательской вакансии в государственной школе вопрос о том, заместить ли ее светским или духовным учителем, разрешался самой общиной.

Но, не говоря уже о недостатке светских учителей (и особенно учительниц), следует иметь в виду, что влияние духовенства, администрации, помещиков, фабрикантов и т. д., в равной степени заинтересованных в уничтожении «крамолы», в громадном большинстве случаев приводило к победе духовного кадилата над светским, в силу чего позиции духовенства в деле низшего образования усиливались с каждым днем. Так, если в 1850 году из общего количества 60.579 начальных школ было 50.267 светских и 10.312 духовных, то в 1863 г. из 68.761 школ было уже только 51.555 светских и 17.206 духовных. Таким же точно образом изменялось и количество учащихся: за период 1850—1863 гг. светские школы приобрели 376.080 учащихся, а духовные — 588.000.

Неудивительно, что при таком положении вещей дело народного просвещения было поставлено из рук вон плохо, и не кто иной, как министр народного просвещения Виктор Дюрюи, дает нам следующую картину состояния начального образования во Франции в эпоху Второй Империи:

«Тысячи коммун совершенно не имели женских школ: все мелкие деревушки лишены были каких бы то ни было учебных заведений; установление предельного количества учеников, допускавшихся в школы без платы за право учения, закрывало двери значительному числу детей школьного возраста; другие дети рано оставляли школу, рискуя ничему полезному не научиться; школ для взрослых не было совершенно; сельских библиотек также не существовало; на 100 новобранцев приходилось 27 совершенно безграмотных; народные учителя и учительницы находились в самом тяжелом положении; 5.000 учительниц получали менее 400 франков¹¹ в год, а у некоторых из них жалование не превышало

⁹ Начальники провинциальной администрации, нечто вроде русских губернаторов.

¹⁰ Орган католической партии.

¹¹ Франк — 37½ коп.

65 франков, учительницы совершенно не пользовались правом на пенсию, а из учителей ни один не был обеспечен пенсией, размер которой достигал бы хотя бы одного франка в день».

Но влияние духовенства распространялось не только на низшее, но, до известной степени, также и на высшее образование. Преподавание закона божьего в высших учебных заведениях было обязательным и велось под непосредственным наблюдением местного епископа. Курс философии был заменен курсом логики. Издание Ренаном его знаменитой либеральной-поповствующей книги «Жизнь Иисуса» повлекло за собой лишение его кафедры, а когда епископ Паризи выступил в печати с критикой работы Ренана, то он удостоился специального письма от Наполеона III, в котором тот приветствовал его «энергичную защиту веры» и выступление против «книги, пытающейся вызвать сомнения в отношении одного из краеугольных камней нашей религии».

Не довольствуясь учебными заведениями, воинствующий католицизм пользовался для своей пропаганды всеми доступными ему способами. В специально выпущенной в 1868 г. брошюре «Беспокойство епископа оправдывается фактами» один из виднейших вождей клерикальной партии епископ Дюпанлу утверждал, что «гниусной софистикой является мысль, будто бы бог и истина не нуждаются в защите. Особенно нуждаются в защите (подразумевается, от антирелигиозной пропаганды) дети, молодые люди, девушки и рабочие».

И вот, не ограничиваясь обычными способами пропаганды, церковь создает с этой целью еще специальные общества и притом не только духовные, но и светские. Широко используется помощь бедным для наставления их в духе католицизма и преданности императорскому режиму. А так называемое общество св. Винценте-де-Поль ставит своей главной задачей «возвращение бедных к исполнению религиозных обрядов и замену незаконных сожительства браками!»

Каковы же были результаты всей этой политики? Как это всегда бывает в таких случаях, тесный союз между правительством и церковью приносил не столько пользы первому, сколько вреда последней. Если крестьянство к концу 60 гг. было еще сплошь религиозно; если и городская мелкая буржуазия оставалась в довольно значительной степени не столько религиозной, сколько преданной религиозным обрядам, то с пролетариатом, т. е. именно с тем классом, за «душой» которого в первую очередь гонялись попы всех рангов и мастей, дело обстояло совершенно иначе.

«Монталамбер,—говорит Вейль в своей «Истории социального движения во Франции»,— был совершенно прав, когда говорил впоследствии, что духовенство, примкнув к деятелям декабрьского переворота, породило ненависть не только к церкви, но и к религии. В течение десятилетия правительственного гнета, с 1851 по 1861 г., среди рабочих крупных городов медленно, но неуклонно

создавалась непримиримая антикатолическая тенденция; козиева, обязывавшие своих рабочих исполнять религиозные требования, лишь обостряли эту тенденцию.

«Прудон, прекрасно знакомый с чувствами и настроениями рабочего класса, из которого он сам вышел, писал одному из своих друзей в 1855 г.: «тирания попов в настоящее время хуже, чем в 1815—1825 гг.¹², их план, откровенно ими признанный состоит в том, чтобы убить науку, задушить всякое проявление свободы и света. Поэтому гнев увеличивается вместе с их могуществом и— не могу от тебя скрыть—в земных вещах есть какое-то тайное возмездие». Такое настроение наблюдалось как в провинции, так и в Париже; в состав религиозных ассоциаций входило очень мало пролетариев. В Лионе, городе католическом, религиозная вера склонялась к упадку: на вопрос, обращенный к рабочему, многие ли из его товарищей посещают церковь, не без удивления пришлось выслушать такой ответ: «Нет, мосье, мы позитивисты».

¹² Т.-е. в самые мрачные времена эпохи Реставрации.

II. РАБОЧИЙ КЛАСС И РЕЛИГИЯ В ЭПОХУ КОММУНЫ

Уже при Второй Империи антирелигиозные настроения были довольно широко распространены среди французского рабочего класса. Но так как в эту эпоху церковь и государство составляли одно, то совершенно ясно, что при этих условиях всякое антирелигиозное выступление было равносильно выступлению анти-правительственному и преследовалось таким же, а точнее даже и еще более жестоким образом. В силу этого совершенно очевидно, что антирелигиозные настроения рабочего класса должны были в эту эпоху оставаться, вообще говоря, в скрытом состоянии и могли проявиться открыто лишь в отдельных и исключительных случаях, так же, как лишь в отдельных исключительных случаях проявлялось от к р ы т о революционное настроение пролетариата вообще. Так, например, после бунта в Анжере у одного из обвиняемых был найден проект бюджета, в котором, между прочим, говорилось: «Я целиком отменяю бюджет культов; государство не должно оплачивать врагов его установлений. Каждый культ должен оплачиваться его сторонниками».

Но, если, таким образом, в эпоху Второй Империи антирелигиозные настроения масс пребывали, как общее правило, в скрытом состоянии, то вполне понятно, что революция 4 сентября 1870 г., установившая относительную свободу слова, печати и собраний, должна была выпустить наружу то, что было до этого времени скрыто в глубине. Блестящие доказательства этого дает нам история многочисленных клубов, появившихся в Париже в эпоху его осады пруссаками осенью и зимой 1870—1871 гг.

Изучая дошедшие до нас, к сожалению, очень немногочисленные, рассказы о заседаниях этих клубов, мы прежде всего убеждаемся, насколько популярен был среди парижского пролетариата (а отчасти и мелкой буржуазии) того времени лозунг отделения церкви от государства со всеми, вытекающими из этого, последствиями. Так, например, 8 ноября 1870 г. в клубе, заседавшем в зале Коллеж-де-Франс, ставится и принимается предложение об отмене бюджета культов и сдаче церкви внаем за плату церковникам. В этот же день в клубе на Арраской улице принимается предложение о конфискации церковных имуществ и, в частности, о реквизиции колоколов, которые должны быть перелиты в пушки.

9 декабря в заседании демократического клуба Батиньоль один из ораторов высказывает возмущение по поводу того, что правительство похоронило генерала Рею в церкви Инвалидов. «Почему именно в церкви? — восклицает он. — Ведь при первой

республике, до того, как Робеспьеру пришла в голову неудачная мысль восстановить Верховное Существо, мы хоронили наших великих людей в Пантеоне, совершенно минуя какие бы то ни было церкви. Оратор добавляет, что совесть запрещает ему вступать в храмы суеверия и что он осуждает слабость республиканцев из Ратуши ¹³ (Голос: республиканцев, как бы не так!), вступающих в соглашение с реакционерами и клерикалами».

Любопытные прения происходят 14 декабря в Клубе Революции, в зале Элизе-Монмартр. «Двое ораторов высказываются за

полное упразднение каких бы то ни было культов. Третий оратор протестует против применения в этом вопросе насилия и, как на пример неудачи религиозных преследований, указывает на отмену Нантского эдикта. Впрочем, он вполне согласен с предыдущими ораторами относительно антиморальности всех религий вообще, и, в частности, религии католической. Он даже идет далее их и хотел бы, чтобы все церкви были превращены в клубы».

Сильнейшее негодование парижских масс вызывает закон, освобождающий церковников от службы в рядах национальной гвардии, на долю которой, как известно, выпала в это время главная тяжесть обороны Парижа от пруссаков. 8 ноября в клубе на Арра-

¹³ Т. е. членов правительства.

ской улице «один оратор громко жалуется на то, что не провозглашена всеобщая воинская повинность, не исключая и членов религиозных конгрегаций, кюре, каноников и прочих лентяев, обжиралющихся и развратничающих в то самое время, когда народ дерется на передовых позициях. Сделанное в этом смысле предложение принимается среди общего восторга и передается на рассмотрение других клубов того же округа».

На следующий день, 9 ноября, в клубе залы «Тысячи и одной игры», в предместьи Сент-Антуан, «ставится вопрос о семинаристах и членах религиозных конгрегаций. Аудитория, которая до этого была довольно сонной, внезапно пробуждается и живейшим образом проявляет свое сочувствие ораторам, требующим призыва этих «змей», вносящих раздоры в семьи. Если они не явятся добровольно, нужно взять их за шиворот и, окружив их верными людьми, отправить на передовые позиции, ибо оставлять их у себя в тылу далеко не безопасно».

Интересные прения имели место 25 ноября в «Демократическом клубе», помещавшемся в казино, на улице Кадэ. Там «с величайшей энергией требуют немедленного призыва семинаристов, конгрегационистов и кюре. Этого требуют вовсе не потому, что слишком полагаются на их воинские способности; но при республике все граждане в равной мере обязаны защищать отечество... Другой оратор полагает, что к этому вопросу следует подходить лишь с величайшей осторожностью. Священники пользуются значительным влиянием на невежественную толпу. Как это ни печально, но это так, а ведь не следует забывать, что эта невежественная толпа состоит еще из свыше 30 миллионов французов. Он полагает, что будет разумнее оставить кюре за их молитвенниками и призвать только семинаристов и конгрегационистов».

«Третий оратор не думает, чтобы помощь 40.000 священников, среди которых есть много негодных к военной службе, была необходимой для национальной обороны. Но он бы с восторгом приветствовал уменьшение их жалования и был бы вполне удовлетворен, если бы их, подобно национальным гвардейцам, заставили удовлетвориться 1½ франками в день (аплодисменты и смех). К тому же оратор полагает, что священники, подобно королям, являются естественными врагами Республики. Он указывает на союз трона и алтаря и жалуется на мягкость, все еще проявляемую правительством национальной обороны в отношении этих двух враждебных сил... В заключение оратор вносит предложение о подчинении семинаристов и конгрегационистов законам равенства и общего права. Предложение это принимается почти единогласно».

Уже эти прения в «Демократическом клубе» показывают, как, исходя из отдельных частных вопросов (в данном случае, вопроса о призыве церковников в ряды национальной гвардии), парижские рабочие массы логикой вещей неизбежно переходили к постановке вопроса о роли церкви и духовенства во всю его ширь. Еще красоч-

нее, однако, прения, происходившие 8 декабря в клубе Фавье, в Бельвилле.

«В этот вечер клуб Фавье занят обсуждением чрезвычайно острого вопроса — вопроса о иезуитах. Все переживаемые нами события, — говорит один оратор, слова которого производят очень сильное впечатление, — являются следствием действий иезуитов. Бонапарт был не чем иным, как их марионеткой. Когда же он не угодил им своей политикой в римском вопросе, они воспользовались против него Пруссией, ибо и в Пруссии, как и повсюду, имеется достаточное количество их сторонников. Молотке также иезуит, да и нашей армией командовали при Седане и Меце не кто иной, как иезуиты. (Голоса: Он преувеличивает! Нет! Нет! Да! Да!)»

«Оратор гневно поворачивается в сторону тех, кто его прерывает: известно, — говорит он, — что на всех собраниях, где идет речь о иезуитах, имеются подосланные ими люди (испуганные противники оратора замолкают. Длительное волнение). Вот почему, — продолжает оратор, — наши армии постоянно терпят поражение¹⁴. 4 сентября мы отделались от империи, но с иезуитами мы еще не справились. Они правят нами и командуют нашими армиями (голос: это правда!). Делая вид, что они руководят обороной, они на самом деле ей препятствуют. Они говорят, что отлили пушки, но на самом деле они не отлили их, а только сделали вид, что отливают (сильное волнение). Теперь они организуют заговор, имеющий целью уморить нас голодом; наличность его стоит вне всякого сомнения (сильное негодование. Голоса: да, да, он говорит правду!). Таковы результаты деятельности иезуитов. Мы находимся целиком в их власти и именно поэтому мы не прогнали пруссаков и не прогоним их до тех пор, покуда предварительно не прогоним иезуитов».

«Оратор, медленным шагом спускается с трибуны. В зале волнение. Голоса: «Он прав! Святой Трошю предаст нас! Долой иезуитов!»

«На трибуну взбегает гражданин Болонь. Он также не друг иезуитов, и, подобно всем остальным, не прочь отведать их мяса (аплодисменты и смех). Но сейчас не время говорить о них и сеять раздоры. Мы сидим в луже (голоса: да, да, как лягушки!) и нужно прежде всего из нее выбраться. Для этого нужно отделаться от пруссаков. А затем мы займемся и иезуитами и скажем им парочку теплых слов (волнение, аплодисменты)».

«Один гражданин, согласный с первым оратором, глубокие мысли которого задела его душа, не без озлобления возражает

¹⁴ С этим утверждением можно сопоставить следующий инцидент, имевший место в заседании того же клуба Фавье 23 декабря: «Один оратор заявляет, что Трошю (глава правительства национальной обороны и военный губернатор Парижа — Я. М.) окружен ignorantinцами и иезуитами. Под предлогом помощи раненым и захоронения убитых, эти люди приближаются к прусским аванпостам и сообщают им полученные ими из достоверных источников сведения о наших военных планах. Не эти ли объясняет, что пруссаки были уже в 11 часов вечера предупреждены о нашей атаке Бурже, которая началась лишь в 2 часа ночи? Ignorantинцы и иезуиты нас предают, действуя при этом в полном согласии с Трошю».

гражданину Болоню. Мы сидим в луже, — говорит он, — и этим мы напоминаем лягушку из басни, но, в отличие от них, мы не требуем царя. (Голоса: нет, нет, да здравствует республика!). Ну, так знаете ли вы, что случится, если иезуитам дадут делать все, что они хотят? Республика будет задрана «святым Трошю»¹⁵, а приближающиеся к Парижу провинциальные армии, под командой иезуитов Кате-лино¹⁶, Шерета¹⁷ и Кератри¹⁸ навяжут нам короля (голоса: нет, нет, никогда!). Вы не хотите короля и я его не хочу: но что же мы должны в таком случае делать? Не следует ждать, пока нас освободят провинциальные армии, а нужно освободить себя самим (сильные и продолжительные аплодисменты).

«Другой гражданин развивает аналогичные взгляды... Он подозревает гражданина Болоню в том, что тот является иезуитом но он считает его слишком доверчивым и полагает, что единственный способ прогнать пруссаков, это отделаться предварительно от иезуитов.

«Гражданин Болоню пытается очистить себя от возведенных на него инсинуаций. У нас нет времени, — говорит он, — чтобы совершить революцию до того, как прогнать пруссаков (голоса: Правильно! Аплодисменты, возгласы протеста).

«Гражданин Гальяр пытается притти на помощь гражданину Болоню, но его не слушают. Между теми, кто думает, что нужно прогнать пруссаков до иезуитов, и теми, кто считает, что надо сначала прогнать иезуитов, возникает ожесточенная перебранка. Заседание закрывается среди величайшего шума».

От этого осуждения церкви оставалось сделать еще только один шаг к осуждению религии, и нет никакого сомнения в том, что этот шаг был сделан не одним парижским пролетарием 1870—1871 гг. Показательно в этом смысле заседание того же клуба Фавье 19 ноября, в котором один из ораторов заявил, что он «ненавидит бога, этого мерзкого бога попов, и хотел бы взобраться, подобно титанам, на небо, чтобы его зарезать». Это заявление было покрыто дружными аплодисментами и имело бурный успех. И, напротив того, когда 15 ноября в «Клубе освобождения», заседавшем в зале Валентино, какой-то оратор попытался доказывать существование бога и бессмертия души, выступление его было встречено смехом и прибаутками.

Таким образом, можно констатировать, что уже в эпоху осады Парижа антирелигиозные настроения среди парижского рабочего класса были весьма сильны. Само собой разумеется, что революция 18 марта, до крайности обострившая революционность пролетариата и пробудившая от глубокого сна многие, дотоле чуждые

¹⁵ Намек на клерикальные связи Трошю.

¹⁶ Генерал, внук знаменитого вандейского вождя эпохи Великой Французской Революции

¹⁷ Генерал, потомок вандейского вождя.

¹⁸ Генерал, одно время занимавший должность парижского префекта (начальника полиции).

политике, слою рабочего класса, могла только еще более усилить эти настроения. Доказательством этого служит прежде всего история клубов этой эпохи, являющихся прямыми преемниками клубов периода осады.

Антирелигиозные тенденции в деятельности клубов эпохи Парижской коммуны уже как бы заранее намечались тем обстоятельством, что значительная часть их помещалась в зданиях церквей. Вот, как рисует деятельность этих клубов статья, помещенная в газете «Трибун Народа» от 19 мая 1871 г.:

«С 5 часов утра до 5 часов вечера церкви принадлежат духовенству. В 5 часов сторож убирает молитвенники, прячет в шкаф священные сосуды, запирает алтарь и приглашает верующих разойтись. В 8 часов появляется народ.

«В первые дни бывали неприятные столкновения... Коммуна и католицизм сталкивались на лестницах. Возникали раздоры... Оратор, чтобы добраться до кафедры, нередко бывал вынужден взломать дверь, которую находил на замке. Священник, придя на другой день в церковь, находил на полу окурки сигары и, возмущенный, жаловался в газету «Голуа»¹⁹. Но вот установилось обоюдное согласие; обе стороны довольны пока своим положением, а небо, как водится, примирилось с земными владыками».

Однако, такое согласие устанавливалось далеко не всегда и известен ряд случаев, когда церковники уступали только после длительного сопротивления и вмешательства в дело со стороны самой Коммуны. Так обстояло, например, с церковью св. Маргариты, в XI округе. «Последняя была уступлена духовенством не сразу. Когда члены Комитета (по организации клуба) явились в ризницу для переговоров, священники заявили, что не допустят, чтобы церковь «была осквернена каким-то клубом пролетариев», на что был дан ответ, что «пролетарии отнюдь не грязнее ханжей обоего пола».

Продолжая упорствовать, главный викарий отправляет письмо — жалобу в местную мэрию, в надежде, что ее делегаты не допустят захвата церкви. Однако, из мэрии был получен следующий ответ, решивший спор за обладание церковью: «Комитет общественного спасения разрешил Клубу Пролетариев вести заседания в церкви Амвросия; по просьбе гражданина Куанда, делегата названного клуба, мы разрешаем народу собираться ежедневно, начиная с 7 часов вечера, в церкви Маргариты, расположенной на улице Бернар.—Член Коммуны, уполномоченный XI округа, А. Мортье»²⁰

Во избежание столь длительной процедуры, собрание клуба св. Николая-на-Полях приняло 1 мая 1871 г. резолюцию, в которой «просит Коммуну разрешить гражданам пользоваться по вечерам церковными зданиями, устраивая в них публичные собрания или клубы, что содействовало бы образованию и политическому про-

¹⁹ Реакционно-клерикальная газета.

²⁰ А. И. Молок — Очерки быта и культуры Парижской коммуны 1871 г. стр. 80.

свещению граждан и позволило бы им следить за ходом общественных дел. Собрание просит Коммуну поместить специальную заметку в этом смысле в «Официальной газете», дабы делегаты при мэрских двенадцати округов могли представить предназначенные для культа здания в распоряжение граждан, желающих устраивать там по вечерам политические собрания». Ходатайство это было удовлетворено»²¹.

Антирелигиозные настроения парижских рабочих масс, которые, как мы видели, были уже очень сильны в период осады, при Коммуне дошли до апогея. Вот, что говорил, например, один рабочий в заседании клуба в церкви Сэн-Сюльпис 11 мая 1871 г.: «Нужно уничтожить монахинь, иезуитов и попов; нужно выгнать их из этого дома, который принадлежит нам, и где проклятый Бонапар: задавал пиры; нужно вырвать из рук наших жен и детей, которых они воспитывают в невежестве и в ненависти к социальной республике»²². А в резолюции, принятой 15 мая Клубом Революции (XVIII округ), выставляются, между прочим, следующие требования: «Уничтожение всех культов и немедленный арест священников, как сообщников монархистов, вызвавших нынешнюю войну, распродажа в пользу защитников справедливости их движимых и недвижимых имуществ, равно как и имуществ беглецов и изменников, поддерживающих версальских мерзавцев»²³.

Еще более гневные нотки звучали в существовавших в это время в Париже специально женских клубах. Так, в заседании 26 апреля в церкви Сэн-Ламбер, в Вожираре, «порядок дня гласил о пагубном влиянии религий; средства к их уничтожению. Собрание вотировало огмену всех культов и встретило аплодисментами гражданку, которая заявила, что «укокошит свою дочку, если увидит, что она ходит в церковь».

«Непримиримой ненавистью к католическому духовенству дышало большинство речей, раздававшихся в женских клубах. 15 мая в клубе Амвросия одна ораторина потребовала, чтобы на другой же день были расстреляны все духовные лица. 19-го в церкви св. Элуа гражданка Морель настаивала на необходимости «раз навсегда побросать в Сену всех монашек, которые в больницах отравляют раненых федератов».

«20 мая в церкви Николая-на-Полях одна женщина предложила заменить на баррикадах мешки с землей «трупами 60.000 попов и 70.000 монахинь, которыми, кишел Париж!» 18 мая в церкви св. Маргариты Алеланда Валентен требовала полного истребления полов, живущих в квартале. В церкви св. Михаила женщина Лефевр предложила запретить всех попов в собор Парижской Богоматери, а затем взорвать его».

²¹ „Journal Officiel“ от 5 мая 1871 г.

²² Моллок — цит. соч., стр. 64.

²³ Dauban — Le fond de la Société sous la Commune, стр. 299.

Но, — могут нам возразить, — ведь клубы посещали далеко не все рабочие, а только их наиболее передовые слои. А как же была настроена основная масса рабочего класса и, в частности, женщины пролетарки?

Перед нами полицейский рапорт от 27 апреля 1871 г., в котором неизвестный шпион излагает впечатления, полученные им при посещении улиц рабочих кварталов Парижа. Вот, что он, между прочим, рассказывает:

«... Недалеко от Ратуши я попадаю в большую толпу, состоящую почти исключительно из женщин.

«Наконец-то я вижу гражданок, не слишком одержимых уважением к черным рясам.

«Ну и кроют же они их!

—«Поповщина, говорят они, это семья Иуды. Они живут за счет нашего кошелька». «То, что вы говорите, совершеннейшая правда. Чернорясники никогда не покажут вам неба без того, чтобы не потребовать за это денег. Совсем как те, что показывают в телескоп луну! Крестины, похороны — за все приходится платить, и все это во имя господа бога!»

«Кроме, того, кто, как не они, вечно поддерживают в человеческих сердцах чувство ненависти? Не они ли исподтишка провоцировали ныне свирепствующую гражданскую войну?»

— «А я прекрасно понимаю, почему они не женятся. Они слишком ленивы для этого». «Тем более, что это дает им возможность ежедневно менять жен!» — «Да, жен с левой стороны. Кроме того, обесчестив девушек, они их заточают²⁴ — «Знаете, что вам скажу? Они совершенно правы, когда уверяют нас в существовании ада. Не они ли сами его создают?»²⁵.

Само собой разумеется, что все сказанное выше еще отнюдь не дает нам права говорить об антирелигиозном настроении всех ста процентов парижского рабочего класса эпохи Парижской коммуны. Если такой полной антирелигиозности всего рабочего класса не существует еще, к сожалению, и в наше время, то тем более ее не могло быть тогда. Но то, что основная масса рабочего класса была в Париже 1871 г. настроена антирелигиозно, — в этом думается нам, сомневаться не приходится.

При наличии таких условий имеются, казалось бы, полные основания предположить, что антирелигиозная деятельность Коммуны должна была находиться на достаточно высоком уровне. Но все дело в том, что, как известно, политика каждого класса осуществляется не всей его массой, а лишь его авангардом, т. е. партией данного класса. Каково же было отношение к религиозной проблеме различных партий, входивших в состав Парижской коммуны 1871 года? К этому вопросу мы теперь и обратимся.

III. ПАРТИЯ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ И РЕЛИГИЯ

Несмотря на быстрое развитие французской промышленности за период Второй Империи, французский и, в частности, парижский пролетариат конца 60-х и начала 70-х гг. отнюдь не был еще пролетариатом индустриальным. Так, напр. из 442.310 рабочих, насчитывавшихся в Париже в 1836 г., лишь около 50.000 работало на общественных предприятиях и в крупных компаниях. Из остальных 392.000 около 80.000 приходилось на долю строительных рабочих. Таким образом, вся основная (по численности) масса парижского рабочего класса, а именно: 312.000 человек, была занята в мелких предприятиях ремесленного типа, и это обстоятельство, само собой разумеется, не могло не наложить самого яркого отпечатка на уровень его классового самосознания.

При таких условиях неудивительно, что французский и, в частности, парижский пролетариат конца 60-х и начала 70 гг. не мог еще создать своей классовой пролетарской партии, на подобие той, какой в русском революционном движении была партия большевиков. В силу этого в составе Парижской коммуны оказались представители различных партий и поэтому вполне понятно, что Коммуна не только не оказалась единой, но и уже довольно скоро распалась на враждовавшие друг с другом, так называемые, большинство и меньшинство²⁶.

В состав большинства входили якобинцы и бланкисты. Если первые, как уже показывает самое их наименование, были целиком и полностью проникнуты традициями Великой французской революции и в программе своей отражали мелкобуржуазное влияние на еще недостаточно зрелый рабочий класс, то бланкисты были не только революционерами, но и коммунистами. Однако, подобно своему учителю — Бланки, бланкисты, в полном соответствии с тогдашним уровнем классовой сознательности пролетариата, лишь в очень слабой степени отдавали себе отчет в великой исторической миссии своего класса и главную надежду свою возлагали не на рабочий класс, а на одиночек — профессиональных революционеров из среды мелкобуржуазной интеллигенции. Это-то и отличало бланкистов от марксистов.

Что касается до меньшинства, то в состав его, наряду с прудонистами — сторонниками мирного экономического встания в социализм посредством особой системы организации кредита и

²⁴ Намек на сделанные Парижской коммуной разоблачения, речь о которых будет дальше.

²⁵ Да и в а п — цит. соч., стр. 136—137.

²⁶ Кроме того, в состав Парижской коммуны имелись избранные от буржуазных районов радикалы, которые уже очень скоро сложили свои полномочия.

начисто отрицавшими какую бы то ни было классовую и, в частности, политическую борьбу, — входили еще революционеры — анархисты, ученики и последователи столь популярного в то время в рабочем движении романских стран русского бунтаря Михаила Бакунина.

Как известно, именно эта разношерстность состава Парижской Коммуны и главное отсутствие в ее среде представителей подлинно пролетарской партии (в Коммуне не было ни одного марксиста) и явились основной причиной сделанных Коммуной грубейших тактических ошибок, как-то: пассивной политики в отношении Версаля, отсутствия красного террора, не-национализации Государственного банка и т. д., и т. д. Эта же причина определила собой и все основные недостатки политики Парижской коммуны в отношении религии и церкви.

Каково же было отношение к этим проблемам различных партий Коммуны 1871 года?

Что касается партий большинства, то они были последовательно и решительно антирелигиозно настроены. При этом, если у якобинцев это настроение было не столько следствием их атеистических убеждений, сколько результатом традиций Великой французской революции и, главное, того, что в силу уже известных нам обстоятельств их борьба со Второй Империей являлась одновременно и борьбой с поддерживавшей ее католической церковью, — бланкисты были убежденными и воинствующими атеистами. Еще в 1865 году Бланки (под псевдонимом Сюзамеля) редактировал журнал «Кандид», одной из основных задач которого являлась антирелигиозная пропаганда, и в этом журнале принимал видное участие целый ряд заметных деятелей бланкистской партии.

Из помещенных в этом журнале статей особого внимания заслуживает статья Бланки о монотеизме. «В ней он рисует великую умственную цивилизацию халдеев, родственную современной, и процесс ее поглощения мрачным мировоззрением семитического монотеизма. Он говорит о развитии политеизма в науке и философии и восстает против библии, реабилитирует Вавилон и Грецию. О св. Иерониме, отце церкви IV века, которого смущали картины античного мира, и об аббате Гратри, пытавшемся согласовать веру со знанием, Сюзамель-Бланки говорит с обычной иронией и удивительным красноречием. «Ночь, вот ночь!» восклицает он.

«От скал Палестины семитический монотеизм разливается по романскому миру и менее, чем за один век, превратил его в труп. Науки, искусства и все завоевания духа уничтожаются на его пути. Фанатизм христианства с факелами в руках проносятся по империи, сжигая храмы, разбивая статуи и уничтожая в бешенстве лучшие плоды творчества Афин и Рима. Жгучий ураган пустыни носился по стране, уничтожая шедевры человеческого ума. Эта удивительная литература, которая соединяла в себе величие образов, красноречие и силу мысли — все уничтожено, предано проклятию

и презрению. Не остается ничего, кроме дикого фанатизма и мрачных завываний: «Бог! Бог! Ад! Ад!»... Но красноречие Бланки не мешает проявлению его юмора. Он следующим образом характеризует хищническую политику духовенства: «в продолжение шестнадцати веков они продавали небо за блага земли»²⁷.

При таком отношении Бланки к исторической роли христианства неудивительно, что борьба с религией является, по его мнению, одной из самых основных задач революции. Намечая программу деятельности будущего революционного правительства, Бланки подчеркивает, что это «правительство должно раздавить все построенные на откровении религии, как прирожденных убийц человеческой природы... Без этой чистки ничто невозможно». А в программе — минимум Бланки, долженствующей быть осуществленной немедленно после победы революции, фигурирует, следующий пункт: «Изгнание всей армии чернорясников, как мужчин, так и женщин. Конфискация в пользу государства всех движимых и недвижимых имуществ церквей, общин и конгрегаций обоюбого пола, а также и учреждений, служащих для них ширмой».

Таковыми же боевыми антирелигиозниками, как и сам Бланки, были и его ученики и последователи — бланкисты. Любопытно, например, речь члена Парижской коммуны — бланкиста Мортье, произнесенная в заседании Коммуны 19 мая:

«Если бы комиссия общественной безопасности распорядилась очистить или закрыть все церкви Парижа, она бы только предупредила мои желания. Я возражал бы только против полного закрытия этих зданий, так как хотел бы видеть их открытыми, чтобы проповедь атеизма свободно лилась в них, уничтожая с помощью науки старые предрассудки, которыми шайка иезуитов сумела забить мозги невежественных людей».

Впрочем, эта речь Мортье не может считаться вполне типичной для бланкистов, ибо в ней содержится требование широкой постановки антирелигиозной пропаганды. Вообще же, для бланкистов как раз характерно, что они, совершенно не понимая глубоких корней религиозности широких народных масс, обращают все свое внимание на меры разрушительного порядка и почти полностью игнорируют необходимость параллельной положительной антирелигиозной пропаганды.

Это сказалось не только на деятельности бланкистов в Парижской коммуне, но и на составленной уже после ее поражения программе коммунаров — бланкистов, блестящую критику которой мы находим в следующих словах Энгельса: «Чтобы показать, что они (бланкисты) всех радикальнее, они — по примеру революционеров 1793 г. — отменяют бога декретом: «Пусть Коммуна навсегда освободит человечество от этого призрака бедствий прошлого (т. е. бога), от этой причины (не существующий бог — причина!) всех бедствий настоящего. В Коммуне нет места для священника; всякая рели-

²⁷ Г. Ж е ф ф р у а — Заключенный, стр. 184—185 (по изд. Глаголева).

гнозная манифестация, всякая религиозная организация должна быть запрещена».

«И это требование—о превращении людей *par ordre du mufti*, в атеистов—подписано двумя членами Коммуны, которые имели, кажется, случай убедиться, во-первых, в том, что на бумаге можно приказать очень многое, но этого еще недостаточно для того, чтобы приказание было исполнено, а, во-вторых, в том, что преследования являются лучшим средством к укреплению нежелательных убеждений»²⁸. Перейдем теперь к отношению к религиозной проблеме партий меньшинства. Начнем с прудонистов.

Прудон, по своим личным убеждениям, был атеистом и даже сотрудничал в «Кандиде» Бланки-Сюзамеля. То же самое можно сказать и о большинстве его последователей. Но все дело в том, что, будучи лично атеистами, прудонисты абсолютно не понимали объективного значения религии в классовом обществе и рассматривали проблему религии, как совершенно второстепенную.

Характерно, например, что в напечатанной 5 ноября 1865 г. статье прудониста Лонге, в которой автор пытается очертить разногласия между прудонистами и бланкистами, он упрекает этих последних в том, что, «не отрицая важного значения экономического вопроса, они как бы больше интересуются религиозно-метафизическими вопросами, которыми мы отводим второе место или, лучше сказать, разрешить которые мы считаем возможным отменой бюджета культов, рациональной организацией народного образования на началах, так замечательно изложенных в последних сочинениях Прудона, и, в особенности, путем экономических преобразований».

При такой установке неудивительно, что в представленной французскими прудонистами Женевскому конгрессу Первого Интернационала записке, авторы требовали от сторонников различных религий только одного: не вмешивать «своего бога» в социальные отношения и держаться в жизни начал справедливости и морали. В этой же записке мы встречаем следующий пункт:

«IX. Религия есть проявление человеческой совести, которое, как таковое, заслуживает уважения, поскольку оно является делом внутреннего, личного, интимного мира. Мы полагаем, что религиозные идеи, подобно всем априорным идеям, не могут быть предметом продуктивного спора».

Таким образом, выставляя требование отделения церкви от государства, прудонисты вместе с тем считают религию делом отдельных граждан, вмешиваться в которое никто не имеет права. Ясно, что при таких условиях вопрос о какой бы то ни было борьбе с религией совершенно отпадает.

Приблизительно к таким же выводам, хотя и по совершенно иным соображениям, приходили и бакунисты.

Бакунин был, как известно, не только атеистом, но и воинствующим противником религии, которую он считал одним из краеугольных камней государства. «Нет и не может быть государства без религии»—говорит Бакунин. «Божественное провидение, это—высшая санкция всех государств». «Церковь создает государство». А так как государство, с точки зрения Бакунина, является высшим злом современного общества, то само собой понятно, что он не мог быть не кем иным, как боевым антирелигиозником.

«Церковь,—говорит Бакунин,—представляет для народа род небесного кабака, точно так же, как кабак представляет нечто вроде церкви небесной на земле: как в церкви, так и в кабаке, он забывает хоть на одну минуту свой голод, свой гнет, свое унижение, старается успокоить память о своей ежедневной беде, один раз—в безумной вере, а другой раз—в вине. Одно опьянение стоит другого». «Посредством религии человек-животное, выходя, из животного состояния, делает первый шаг по направлению к человечности; но до тех пор, пока он остается религиозным, он никогда не достигнет своей цели, так как всякая религия обрекает его на нелюбовь и, сбывая его с толку, заставляет искать божеского вместо человеческого. Благодаря религии народы, едва освободившись от естественного рабства, в котором продолжают коснеть все другие животные виды, сейчас же попадают в рабство к сильным людям и кастам, привилегированным в силу божественного избрания».

Казалось бы, что из этой теоретической установки Бакунина должно естественно вытекать признание им необходимости решительной и последовательной борьбы с религиозным дурманом. Но на самом деле оказывается далеко не так. «Религиозность в народе,—говорит Бакунин,—можно будет убить только специальной революцией, отнюдь же не отвлеченной и доктринерскою пропагандою так называемых свободных мыслителей». Больше того, антирелигиозная пропаганда равносильна сознательному обману масс и поэтому она есть дело радикалов, а вовсе не подлинных революционеров. «Надо, говорит Бакунин, буржуазный мир удивить и не надо его сердить, надо увлечь революционную молодежь и вместе с тем избежать революционной пронасти. Для этого средство одно: устремить всю мнимо-революционную ярость свою против господа бога. Так они уверены в несуществовании его, что гнева его не боятся. Дело другое—начальство, всякое начальство—от царя до последнего полицейского! Дело другое—люди богатые и могучие по своему общественному положению, от банкира и откупщика до последнего купца-кулака и помещика! Их гнев может выразиться слишком чувствительно!»

«В силу такого рассуждения они объявляют беспощадную войну господа богу, отвергают наирадикальнейшим образом религию во всех ее проявлениях и видах, громят богословие и метафизические бредни, все суеверия народные во имя науки, но в то же самое время обращаются с чрезвычайной нежностью ко всем политическим и общественным силам мира сего, и если, вынужденные

²⁸ Энгельс — Программа коммунаров-близкихтов. См. К. Маркс. — Гражданская война во Франции в 1871 г. в изд. «Прибой», 1924, стр. 82.

логикой и общественным мнением, позволяют себе даже их отрицать, то делают это так учтиво, так кротко, что надо иметь правду чрезвычайно крутой, чтобы на них рассердиться: они непременно оставляют выходы и выражают надежду на их исправление».

Совершенно иной, думает Бакунин, должна быть позиция подлинного революционера. «Мы не должны ставить религиозный вопрос на первом плане нашей пропаганды в народе. Делать это, по нашему глубокому убеждению, однозначительно с изменой народному делу... Наша прямая обязанность поставить перед ним главный вопрос, от разрешения которого более, чем от всех других, зависит его освобождение. Но этот вопрос указан самим положением его, всей его жизнью: этот вопрос экономическо-политический: экономический в смысле социальной революции и политический в смысле разрушения государства. Занимать его религиозным вопросом значит отвлекать его от настоящего дела, значит изменять его делу».

Эта максималистская установка Бакунина была целиком воспринята его последователями, деятелями Парижской коммуны, подобно своему учителю считавшими, что у Коммуны есть куда более важные дела, чем война с понами. Особенно характерна в этом смысле позиция бакунистской газеты «Социальная революция» („La Sociale“),²⁹ которая, хотя и объявила себя атеистической²⁹, вместе с тем не поместила почти ни одной статьи, посвященной делу борьбы с религией и церковью.

Подведем теперь итоги. Из всего сказанного явствует, что из всех партий Парижской коммуны одни только бакунисты, да отчасти якобинцы, понимали необходимость последовательной и упорной борьбы с религией и были готовы заняться таковой.

Уже из этого одного явствует, что при таком соотношении сил деятельности Парижской коммуны в соответствующем направлении не могла быть достаточно полной и плодотворной. Кроме того, нужно еще иметь в виду, что, как мы уже говорили, бланкисты совершенно не понимали значения планомерной и организованной антирелигиозной пропаганды и все свое внимание обращали в сторону мер карательно-репрессивного свойства. Именно этим объясняется, что при относительно (при данных условиях) удовлетворительном разрешении задач последнего рода Парижская коммуна не сделала в таком важном вопросе, как создание политико-просветительных учреждений вообще и антирелигиозных в частности.

Таким образом, существовавшее среди рабочих масс Парижа антирелигиозное настроение было использовано Парижской коммуной далеко не в достаточной мере и в силу этого вся деятельность ее по борьбе с религией и церковью оказалась гораздо менее удачной, чем она могла бы быть при ином составе руководивших Коммуной партийных сил.

IV. ОТДЕЛЕНИЕ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА

Первым по времени и вместе с тем важнейшим из всех мероприятий Парижской коммуны в области ее борьбы с религией является без всякого сомнения отделение церкви от государства.

Как и следовало ожидать, требование борьбы с религией и, в частности, отделения церкви от государства последовало прежде всего со стороны сторонников якобинско-бланкистского большинства. Первым шагом в этом направлении была статья «Уходите!», помещенная в № 37 (от 1 апреля) газеты «Пароль» („Le Mot d'ordre“), издававшейся знаменитым мелкобуржуазным публистом Анри Рошфором, стоявшим довольно близко к якобинской части Коммуны.

Эта статья начинается с мысли, что Парижская коммуна должна взять на себя уплату 5 миллиардов франков контрибуции, обещанных Германии согласно заключенному с ней мирному договору. И дальше Рошфор указывает на тот источник, из которого должны быть изысканы потребные для этого средства:

«У нас есть сто различных способов удовлетворить чисто императорскую жадность Вильгельма I³⁰. И даже, если бы нам пришлось коснуться святотатственной рукой имущества духовенства и богатств религиозных конгрегаций. — признаюсь, что я бы не остановился перед распродажей в пользу нации четырех миллиардов и несколько миллионов, составляющих ценность наших славных монахов и милейших отцов — иезуитов.

«Какой будет праздник на небе, когда бог-отец узнает, что Франция, эта старшая дочь церкви, ценою нескольких реквизиций в святых местах освободилась от немецких насильников, грозивших распространить среди нас гнусные доктрины Лютера! И я лишь с трудом представляю себе радость пресвятой девы Марии, когда она узнает, что французская территория очищена от протестантизма благодаря продаже с торгов бесчисленного количества часовен, постоянно воздвигаемых в честь богородицы!»

„Анри Рошфор“

К этой статье, написанной со столь свойственными ее автору злой иронией и сарказмом, чрезвычайно близко подходит статья Фрапсиса Энна — «Культ» (с подзаголовком «Гражданам — членам Парижской коммуны»), помещенная в № 1 (2 апреля) якобинско-бланкистской газеты «Гора» («La Montagne»).

²⁹ Номер 15, 14 апреля 1871 г.

³⁰ Германский император.

Как и статья Рошфора, статья Энна начинается с указания на то, что, так как при создавшейся обстановке нет никакой возможности возобновить войну с Германией, Коммуна должна взять на себя уплату пятимиллиардной контрибуции. И дальше автор продолжает:

«Итак, нужно платить.

«Нет ничего легче, как это сделать, но нужно только потопить.

«Требующиеся 5 миллиардов находятся у вас в руках. Сожгите же ваши руки крепче и затем разожмите их над сумо,

спинах своих они унесут мешки с червонцами, собранными из карманов невежественных и трусливых матерей семейств, испуганных дураков и подлых мерзавцев...

«Остановите их, ибо время не терпит! Опорожните их мешки, обыщите их карманы—ведь их деньги принадлежат нам! Пересчитайте их угольные шахты, измерьте их поля, леса и луга, конфискуйте их дома, захватите их золотую и серебрянную утварь—все это принадлежит Революции! Бросьте же все это германскому императору, и пусть он делает с этим, что ему заблагорассудится. Мы ведь все равно получим все это обратно в день великого пробуждения народов Германии, когда мы понесем им животворящее семя труда и социальной революции. И, получив обратно все эти богатства, мы разделим их, чтобы превратить их в тот хлеб, который мы будем вместе поедать, и в то вино, которое мы будем вместе осушать над навеки погребенными трупами тирании, насилия и невежества.

«Торопитесь же с вашим великим делом отделения церкви от государства! Пусть она убирается отсюда, эта церковь! Пусть она отправляется куда угодно, лишь бы не было здесь этой заговорщицы, обогащенной даяниями верующих. Пусть ее утварь исчезнет из лавок и алтарей, пусть поповские ряссы служат отныне лишь в качестве подкладки для шинелей наших национальных гвардейцев! Пусть проповедники, исповедники и апостолы лицемерной и часто человеконенавистнической любви навеки исчезнут из нашего отечества равенства, свободы и всемирного братства!

«Изгоните их проповедь невежества и подлости!

«Заставьте исчезнуть эту фантазмагорию, заставляющую дрожать всех слабых, женщин, детей!

«В чем заключается их сила? Костюмы, представления, то веселые, то мрачные; оглушительные и вызывающие бред песнопения; духи и фимиамы, пробуждающие чувственность влюбленных, с вечными синяками под глазами, девушек; возбуждающие краски, ослепляющие иллюминации. Пусть же все эти декорации ступают перед ярким солнцем Революции—без этого мы ничего не достигнем!

«Сделав набросок Революции—а то, что вы до сих пор сделали, граждане, еще не более чем набросок—нужно прежде всего дорисовать ее до конца.

«Чтобы этого добиться—нужна смелость.

«Будьте же смелыми, граждане из Коммуны!

«Франсис Энн».

Если эта статья напоминает статью Рошфора в том отношении, что и она в своем требовании конфискации имущества исходит прежде всего из реальных, практических интересов текущего момента, то между ними есть и одно крайне существенное отличие: это то, что наряду с этими практическими моментами Франсис Энн выдвигает также и моменты глубоко-принципиальные. Но значительно далее в этом направлении идет статья, помещенная в № 17

старого слепца Вильгельма! Бросьте в его суму имущества церкви и пусть этот слепец отправляется затем к себе бормотать свои молитвы торжества! Когда наступит время, мы заткнем ему глотки! вашими мозолистыми руками, мы свернем шею этому торжеству щему индюку!

«Но торопитесь, ибо иначе неминуемо бегство этих толстых разжиревших монахов и развратно-лицемерных монахинь! И не

«Отца Дюшена», издававшегося бланкистскими журналистами Марсимо Вильомом, Эженом Вермешем и Альфонсом Эмбером, пытавшимися воскресить протонародный стиль эберовского «Отца Дюшена» эпохи Великой французской революции.

Вот эта статья:

«Великое предложение отца Дюшена — чтобы граждане — члены Коммуны отменили вознаграждение попов;

«чтобы попов заставили оплачивать их лавочки для совершения мессы;

«и чтобы их рассматривали в качестве простых граждан.

«Отец Дюшен знает, что Коммуна составлена из славных парней, зорко следящих за благом народа.

«И,—проклятие!—мы их достаточно долго ждали!»

«Чорт возьми! Не слишком ли долго нас обегоривают и стригут шерсть со спин хороших ребят?

«Поэтому Отец Дюшен убежден, что граждане — члены Коммуны, как только у них найдется свободная минута, не замедлят заняться прохвостами — попами!

«Чорт возьми!—ведь не шуточное дело вопрос о попах, богатых, как Крез, и вечно стремящихся околпачить народ, поддерживая его невежество и суеверие и возбуждая фанатизм легковверных женщин посредством своих глупых фокусов!

«О, они могущественны, эти подлецы!

«И они неплохо работают исподтишка!

«Отец Дюшен твердо уверен, что все патриоты признают, что он не врёт, когда утверждает, что все иезуиты — подлецы.

«Долой Трошю! ^{30а}

«Пусть его повесят, этого генерала римской полиции! ³¹

«Кто будет этому рад, так это Отец Дюшен!

«Итак, граждане — члены Коммуны, на вас лежит серьезная обязанность заняться этими подлыми попами.

«Вы не должны допускать, чтобы они впредь морочили детей, вкладывая им в головы массу глупых мыслей, вместо людей делающих из них рабов и вместо чувства собственного достоинства развивающих в них рабскую покорность.

«Прошлое этих мерзавцев достаточно хорошо известно.

«Отец Дюшен не имеет привычки доказывать того, что все и так достаточно хорошо знают.

^{30а} Глава созданного революцией 4 сентября 1870 г. так называемого „правительства национальной обороны“, вместе с тем занимавший должность военного губернатора Парижа.

³¹ Намек на клерикальные связи Трошю.

«А ведь все знают, что понятие попа противоположно понятию патриота!

«Поэтому Отец Дюшен не мог никогда понять, почему добрые граждане позволяли своим правительствам бросать жалкие народные гроши в жадные лапы этих лицемеров.

«Чорт побери! Разве народ не слишком щедр, отдавая свои гроши на содержание кучи бездельников, насмехающихся над ним и каждую пятницу собирающихся для устройства веселых пиршеств?»

«Чорт побери, пора, чтобы это изменилось! И притом самым решительным образом.

«Нельзя больше допускать, чтобы у этих лентяев были животы, как комоды, в то самое время, как хорошие парни — грудящиеся остаются плоскими, как лепешки.

«О паршивые попы, если Отец Дюшен будет когда-нибудь играть роль в правительстве, он чертовски быстро взденет на вертел всех блаженных каналов, ежедневно напивающихся в виноградниках творца!

«Скорее же, граждане — члены Коммуны! Поскорее упраздните содержание за счет государства этих лентяев, и пусть они поработают, если хотят есть! Либо же пусть их содержат, раз они им нужны, старые богомольные идиотки, ломающие с ними дурака в тиши исповедален!

«Но патриоты, желающие иметь дело с богом лишь 32 числа каждого месяца и с высокой колокольни плюющие на попов,—

«Нет, граждане — члены Коммуны, они не желают тратить своих денег на содержание этих прохвостов!

«Но это еще не все.

«Еще недостаточно огорать содержание у этих мерзавцев!

«Нет, чорт побери, этого еще недостаточно!

«Нация — проклятие! — нуждается в деньгах. И раз здания церковей принадлежат государству, то эти здания могут отдаваться в наем для совершения в них богослужения. Но не даром, чорт побери!

«О, сорок тысяч проклятий, как все это сильно интересует Отца Дюшена! Но он надеется, что граждане — члены Коммуны не будут медлить с решением этого вопроса, столь важного для интересов нации.

«Отдадим же церкви в аренду этим прохвостам!

«Ибо, в конце концов, не нужно ограничивать чьей бы то ни было свободы, и, раз есть люди, которым доставляет удовольствие слушать поповские проповеди, им не следует в этом препятствовать.

«Да здравствует радость и веселие для всех!

«Ведь ходит же летом Отец Дюшен навестить от времени до времени представления циркачей на площади Обсерватории. И

когда он отправился в Лион, чтобы попытаться возродить там свою газету, закрытую в Париже проклятым Винуа³², он, как старый дурак, отправился смотреть своего друга Гиньоля — доброго лионского Гиньоля, подобно ему являющегося верным другом народа и Коммуны.

«И при этом он даже здорово веселился.

«Итак, будем уважать свободу кого бы то ни было. в том числе даже и попов!»³³.

«Но раз они являются лавочниками, заставьте их платить патент и пусть они при этом не будут в лучшем положении, чем меткие лавочники и торговцы!

«И если вы это сделаете, граждане—члены Коммуны, то все здоровымящие люди будут на вашей стороне.

«Неужели вы думаете, что это несправедливо?»

«Неужели вы думаете, что, когда Отец Дюшен отправляется платить налоги и патент за свою печную лавку, ему доставляет удовольствие сознание, что часть его несчастных грошей попадет в поповские карманы?»

«Нет, чорт возьми, это его здорово сердит.

«А ведь подобно ему рассуждает великое множество патриотов

«Кроме того, граждане — члены Коммуны, запретите попам носить их проклятые черные рясы, в немалой степени являющиеся источником их престижа и их влияния на мозги несчастных женщин!

«Разве можно так одеваться?»

«Разве протестантские пасторы или еврейские священники одевают на себя подобные облачения и носят юбки, точно женщины!»

«Неужели, граждане — члены Коммуны, вы считаете допустимым подобный маскарад вне времени святок?»

«Что сказали бы об Отце Дюшене, если вместо того, чтобы ходить в простой карманьольке³⁴, он бы в один прекрасный день явился к своему типографу Сорнэ в маскарадном костюме?»

«Не позволяйте, граждане—члены Коммуны, этим прохвостам быть смешными как в смысле физическом, так и моральном!

«Не служит ли им это средством для морочения народа?»

«Послушайте меня, граждане. и вы заслужите благодарности нации!

³² Когда, за несколько дней до 18 марта, газета „Отец Дюшен“ была, паря с некоторыми другими, закрыта распоряжением парижского военного губернатора Винуа, редакторы собирались перенести ее издание в Лион, но революция 18 марта сделала этот переезд излишним.

³³ Эти и следующие фразы ясно показывают, насколько даже наиболее революционная партия Парижской коммуны—бланкисты—все же находилась во власти мелкобуржуазных настроений.

³⁴ Головной убор в эпоху Великой французской революции, служивший отчасти так называемых „патриотов“, т.е. революционеров.

«Вы этим докажете, что вы славные парни!

«Все хорошие ребята будут на вашей стороне.

«Вы не будете деспотами.

«Вы превратите попов в рядовых граждан.

«Отец Дюшен не представляет себе, что они могут против этого возразить.

«Не мешайте ни их профессии, ни их взглядам.

«Обращайтесь с ними, как со всеми остальными лавочниками.

«Предоставьте им говорить, писать и печатать все, что им угодно.

«И если они желают одеваться в черное, точно женщины, предоставьте им это право — но только на маслянице!»

В то время, как представители якобинизма и бланкизма требовали, таким образом, от Парижской коммуны немедленного издания декрета об отделении церкви от государства и конфискации церковных имуществ, бакунисты хранили молчание, а прудонисты даже до известной степени боролись против осуществления этих требований. Доказательством этого может служить нижеследующий отрывок из протокола заседания Парижской коммуны 2 апреля, т.е. того заседания, в котором был принят декрет об отделении церкви от государства:

... «Зачитывается проект декрета, предлагаемого гражданином Пиа от имени Исполнительной комиссии..

«Проект этот гласит:

«Парижская коммуна,

«Принимая во внимание, что первым принципом Французской республики является свобода;

«Что важнейшею из свобод является свобода совести;

«Что бюджет культов противоречит этому принципу, так как насилует убеждения граждан;

«Что, как показывают факты, духовенство было соучастником монархии в ее преступлениях против свободы;

«П о с т а н о в л я е т:

«Ст. 1. Церковь отделяется от государства.

«Ст. 2. Бюджет культов упраздняется.

«Ст. 3. Так называемые неотчуждаемые имущества, принадлежащие религиозным конгрегациям, как движимые, так и недвижимые, объявляются национальной собственностью.

«Ст. 4. Будет произведено немедленное обследование этих имуществ с целью выяснить их характер и передать их в распоряжение нации».

«Гражданин Раствуль поддерживает декрет. Нужно, говорит он, чтобы Коммуна укрепилась и показала, что она является правительством.

«Граждане В. Клеман и Ферре объявляют себя сторонниками декрета, но возражают против того смысла, который хочет приписать ему гражданин Раствуль.

«Гражданин Тейц предлагает, чтобы Коммуна высказалась лишь касательно первых двух статей.

«От имени Комиссии гражданин Пиа высказывается против этого предложения.

«Значительным большинством голосов принимается предложение о прекращении прений.

«Коммуна постановляет, что голосование будет производиться по каждому пункту отдельно.

«Касаясь мотивировочной части проекта, председатель (Лефрансе) предлагает прибавить слова «духовенства всех вероисповеданий» и мотивирует это ссылкой на то, что в 1848 и 1851 г.г. духовенства всех вероисповеданий объединились в борьбе против республиканцев.

«Гражданин Верморель умоляет гражданина Пиа отложить до следующего дня окончательное редактирование проекта.

«Граждане Варлен, Ж. Валлес, Ранк и Паскаль Груссе предлагают, чтобы декрет не был напечатан в «Официальной Газете» или, в крайнем случае, был бы напечатан не ранее, чем послезавтра.

«Граждане Феликс Пиа и Урбэн возражают против отсрочки и требуют признания вопроса спешным.

«При голосовании вопроса об отсрочке 16 голосов высказываются за и 26 против. Таким образом, вопрос признается спешным.

«При голосовании отдельных статей все они принимаются единогласно.

«Гражданин Ранк снова вносит предложение о том, чтобы декрет не был напечатан в завтрашнем номере «Официальной Газеты».

«Граждане Арт. Арну, Ж. Валлес, Гупиль и Верморель поддерживают это предложение. Граждане Ж. Б. Клеман, Бабик, Жересм, Растуль, Урбэн и Варлен высказываются за немедленное напечатание.

«Прения закрываются.

«Большинством 22 голосов против 16 Коммуна постановляет, что декрет будет напечатан в завтрашнем номере «Официальной газеты»³⁵.

Неудивительно, что принятый таким образом декрет 2 апреля об отделении церкви от государства имел, собственно говоря, чисто декларативное значение. В самом деле, не говоря уже о том, что декрет этот не предпринимал такого основного вопроса, как вопроса о дальнейшей судьбе признанных национальной собственностью церковных имуществ и, в частности, церковных зданий, декрет 2 апреля говорил лишь об «обследовании» церковных имуществ, но вовсе

³⁵ „Procès-verbaux de la Commune de 1871“. Пиа, Ферре, Груссе, Урбэн, Ж. Б. Клеман, Бабик и Жересм — сторонники якобинско-бланкистского большинства, Растуль, В. Клеман, Лефрансе, Валлес, Тейу, Верморель, Арну и Варлен — сторонники прудонистско-баквинистского меньшинства. Ранк и Гупиль — буржуазные радикалы вскоре сложившие свои полномочия.

не об их немедленной конфискации. Но эта явная половинчатость декрета 2 апреля станет совершенно понятной, если учесть то значительное влияние, которым пользовались в Парижской коммуне прудонисты. А ведь они (это ясно видно из выступления Тейца), соглашаясь на принцип отделения церкви от государства, возражали вместе с тем против конфискации Парижской коммунальной имуществ духовенства и различных религиозных конгрегаций.

Чем объяснить такую непонятную, на первый взгляд, позицию прудонистов, которые, как мы знаем, несмотря на свое отрицательное отношение к проблеме борьбы с религией, все же, являлись сторонниками отделения церкви от государства со всеми, вытекающими отсюда, последствиями? Объясняется это тем, что они рассматривали Парижскую коммуны лишь как местную, «коммунальную» власть города Парижа, а вовсе не как национальное правительство всей Франции. А так как церковные имуществ являлись, с их точки зрения, национальной, но никак не коммунальной собственностью, то совершенно ясно, что Парижская коммуна, по мнению прудонистов, не имела ровно никакого права ею распоряжаться.

«Парижская коммуна» — говорит видный прудонист Артур Арну в своей «Народной истории Парижской коммуны» — «не имела права объявлять отделение церкви от государства по той простой причине, что Парижская коммуна вовсе не являлась представительницей государства и должна была тщательно избегать всего, что могло бы дать повод думать, что у нее есть какие-либо намерения заменить правительство и управлять всей Францией.

«Это была редакционная ошибка, так как никто не был вправе употребить принятую формулу... Было бы достаточно сказать:

«Парижская коммуна не признает никакой веры и ни одну из них не желает поддерживать платой.

«Имения, так называемые духовные имуществ, принадлежащие религиозным конгрегациям, движимые и недвижимые, объявляются коммунальной собственностью», а не национальной, как сказано в декрете»³⁶.

Совершенно ту же самую мысль, что у Артура Арну, мы находим и в статье прудонистского публициста Жоржа Дюшена, напечатанной в № 46 газеты «Коммуна» («La Commune») от 5 мая. Вот что гласит эта статья:

«Никогда не сжималось у меня сердце так, как в тот день, когда литераторы из Коммуны, ограниченные пределами от Нельи до Шаронна, от Жантильи до Бонди и от Баньолэ до Ванва³⁷, отнюдь не являясь сами государством, осмелились декретировать захват государством имуществ духовенства и религиозных конгрегаций.

«Что за глупость, в самом деле, осквернять столь великую идею, чтобы иметь всего на всего возможность превратить в пяти-

³⁶ Артур Арну — Народная история Парижской Коммуны, издание Глаголева, стр. 180.

³⁷ Названия ближайших окрестностей Парижа.

франковские монеты посуду и кухонную утварь нескольких парижских церквей!

«Реквизиция имуществ конгрегаций не может, казалось бы, вызвать протестов при наличии тех финансовых трудностей, которые мы имеем в настоящее время.

«Для того, чтобы оправдать собственность, часто говорят, что источником ее является труд. Но этого никак нельзя сказать про церковную собственность. Основой ее является лишь страх перед адом и обещание рая. Продажа мест на небе является таким видом торговли, при котором всякий доход составляет чистую прибыль. Такая торговля как нельзя лучше подходит под статью 405 Уголовного кодекса³⁸.

«В самом деле — статья эта применяется к колдунам, чародеям, магнетизерам, пророкам и знахарям, но все они гораздо честнее, нежели торговцы освобождением от чистилища.

«Церковные имущества не представляют ни затраченный труд ни произведенную ценность, ни обмен, даже неравный; в них — все одной стороне и ничего другой.

«Более того, они равносильны двойной оплате. Священник, оплачиваемый государством, заставляет, кроме того, платить и верующих; расходы учащихся или благотворительных общин возмещаются коммунами и благотворительными учреждениями. Таким образом, дарения в их пользу не могут рассматриваться, как возмещение за оказываемые ими услуги или за приносимую ими пользу; они целиком составляют чистую прибыль.

«Если бы церковь была хоть сколько-нибудь патриотичной, то патриотизм ее не мог бы не проявиться в моменты кризисов, подобных настоящему. Она бы тогда не преминула заявить: «я являюсь резервом для тяжелых годов: общественная и частная благотворительность сделала меня их казначеем. Получайте же, берите, что вам надо, и пусть мое вмешательство спасет труд от смерти и небытия».

«Но церковь, безразлично католическая ли, или протестантская, это наиболее яркое воплощение кастового духа современного общества, не только не предлагает истерзанной родине своих sacrifices, но, напротив того, старается уклониться даже от платежа падающей на ее долю части расходов.

«До 1789 года духовенство из всех способов вложения капиталов предпочитало землю. Таким образом, его собственность была у всех на виду. В настоящее время оно стало более подозрительным и боится новой реквизиции. Из недвижимых имуществ оно владеет только строго необходимым: помещениями, огородами, садами, местами для прогулок и т. д.

«Церковные здания, настоящие казармы для монахов, а равно и семинарии и пансионаты, представляют ценность лишь при использовании их по их прямому назначению. Подлинные же бо-

³⁸ Статья эта предусматривает мошенничество.

гатства церкви заключаются в ценностях на предъявителя, железнодорожных акциях и облигациях (французских, но не римских³⁹ железных дорог!), ренте (государственной, но не папской!), бумагах Финансового кредита и т. д. Угроза Коммуны заставила церковь припрятать все эти богатства.

«Часть их будет, конечно, розыскана. То, что будет найдено, сможет быть употреблено на уплату военной контрибуции, не нанося при этом вреда ни одной части национального богатства. А для экономиста это соображение является решающим.

«Ж о р ж Д ю ш е н».

В то время, как прудонисты осуждали, таким образом, декрет 2 апреля, якобинцы и бланкисты, напротив того, его горячо приветствовали. Как пример такого отношения, приведем прежде всего статью Гюстава Марото, напечатанную в № 4 (от 5 апреля) уже цитированной нами выше газеты «Гора» («La Montagne»).

«Гражданам — членам Коммуны»

«Парижская Коммуна издала вчера⁴⁰ два прекрасных и важных декрета. Один из них предает суду членов версальского правительства и конфискует в пользу нации имущества этих предателей. Другой — отделяет церковь от государства и изгоняет попов и монахов из больших аббатств и старых монастырей...

«...Монахи застегивают свои сандалии и берутся за посохи странников. Манахины удирают, сбрасывая свои большие белокрылые чепцы.

«Я не сомневаюсь, что не малая толика нашего золота будет унесена ими в подлогах их ряс. Но и того, что останется, будет достаточно, чтобы Коммуна смогла прокормить вдов наших солдат и воспитать их сирот.

«Гюстав Марото»

В таком же, примерно, духе составлена и статья Анри Рошфора, напечатанная в № 50 его «Пароля»:

«Церковь и ее богатства».

«Некоторые газеты и несколько корреспондентов в довольно резкой форме обвиняют нашу газету в том, что она подняла завесу, скрывавшую от реквизиции богатства собора богородицы.

«Пароль» не только не отрицает помощи, которую он оказал этой реквизиции, но напротив того решительно заявляет, что, если бы он знал о существовании еще каких бы то ни было принадлежащих духовенству богатств, он бы немедленно заявил об этом Коммуне.

³⁹ До 20 сентября 1870 г. Рим составлял центр самостоятельной области, подчиненной римскому папе (так называемая «папская область»).

⁴⁰ Речь идет о декретах 2 апреля.

«Мы считаем и будем всегда считать, что, поскольку Иисус христос родился в хлеву, единственное сокровище, которым бог. мать должна обладать, это охапка соломы. Что касается до всех церковных ценностей, то мы без обиняка заявляем, что считаем их национальным достоянием уже в силу одного того обстоятельства, что они имеют своим источником щедрость тех, кому церковь обещает райское блаженство. А ведь уголовные кодексы всех стран сходятся на том, что обещание вымышленных благ в качестве компенсации за какие бы то ни было реальные ценности есть не что иное, как мошенничество.

«В силу каких соображений запрещается врачам быть наследниками своих пациентов? Потому что предполагается, что, пользуясь страхом смерти, они могут воздействовать на ум своих больных и в обмен за обещание выздоровления заставить их вписать свое имя в завещательный акт.

«Но разве церковь и ее служители не находятся в таком же точно положении? Мы не знаем, как первые христиане понимали религию, подвергнувшись с тех пор столь странным изменениям и дополнениям, но факт тот, что вот уже несколько веков, как религия эта служит поводом для всевозможных видов шантажа и мошенничества.

«Поэтому нам гораздо больше нравится, когда Коммуна провозводит реквизиции у церкви, чем у торговцев⁴¹.

«Кошелек или ад»—такова в настоящее время единственная программа католического духовенства. Но так как французская нация уже не верит больше в ад, то нет ничего более естественного, чем если она, в случае нужды, возвратит себе кошелек.

«А н р и Р о ш ф о р»

Еще дальше, чем «Гора» и «Пароль», пошел, как и следовало ожидать, бланкистский «Отец Дюшен», приветствовавший не только декрет 2 апреля, но и изданные в его дополнение отдельные частные распоряжения. Вот, например, что мы читаем в № 18 этой газеты:

«... Этот хороший парень, коммунальный советник, делегированный в б. полицейскую префектуру, издал малозначущий на первый взгляд декрет, который, тем не менее, здорово насолит прихвостням господ бога!

«Начиная с сегодняшнего дня, прохвостам священникам всех тюрем Парижа, запрещается морочить голову беднягам—заключенным и напиваться пьяными каждое воскресенье под предлогом совершения мессы перед людьми, которым на нее в высокой степени наплевать!

«Вот, действительно, чертовски хорошее мероприятие!

«В самом деле, какого чорта нужно, чтобы эти бритоголовые

⁴¹ Обращаем внимание на эту фразу, столь характерную для такого мелкобуржуазного радикала, каким был, в сущности, Рошфор.

мерзавцы со всеми их штуками и их тупыми рылами допускались к этому делу?»

«Говорят, что это нужно для проповедывания морали заключенным.

«Но нужно иметь странный взгляд на человеческую природу, чтобы думать, что можно излечить испорченного человека от его лени, показывая ему (и притом с кучей торжественных церемоний) паршивого бездельника, разжиревшего от ничего неделания!

«Можно говорить все, что угодно, но это не так.

«Кроме того, я полагаю, что не очень-то можно полагаться на поповскую мораль.

«Если они столь добродетельны, что готовы поделиться с другими людьми частью своих добродетелей, спрашивается, почему они вечно впугываются в бесконечное количество глупых историй, на которых Отец Дюшен не хочет подробно останавливаться, но которые, во всяком случае, не слишком-то невинны, раз в них нередко приходится вмешиваться правосудию.

«Наша славная Коммуна знает, что морализирование хорошая вещь, но она не нуждается для этого в помощи попов»

В № 52 «Отец Дюшен» одобряет изданный Коммуной 4 мая декрет⁴², упразднивший политическую и профессиональную присягу:

«Сегодня утром Отец Дюшен чертовски доволен.

⁴² Вот текст этого декрета: „По предложению гражданина Прото, делегата юстиции,

„Парижская коммуна постановляет:

„Статья единственная. Политическая и профессиональная присяга отменяются“.

«Он прочел декрет Парижской Коммуны, отменяющий как политическую присягу, так и присягу профессиональную.

«Когда он это прочел, он сразу же заявил:

«Вот, чорт побери, хорошее мероприятие.

«Приняв это постановление, парни из ратуши показали, что они славные ребята!

«И, кроме того, честные молодцы, хорошо знающие свое дело.

«На первый взгляд этот декрет не производит большого впечатления.

«Многие, прочтя его, наверное заявили:

«Какого чорта нам дело до этой присяги?

«Нам от нее ни холодно, ни жарко.

«И Отец Дюшен с этим не спорит.

«Но, тем не менее, патриоты, этот вопрос имеет большое моральное значение.

«И кроме того, он сразу же дает представление о характере правительства.

«Отец Дюшен спрашивает вас: честно ли призывать в качестве свидетеля в публичном акте так называемое божество, не признаваемое наукой и лишь являющееся выдумкой попов, позволяющей им легче обманывать народ?

«Нет, чорт возьми, это нечестно!

«Люди, обладающие нравственным чувством, не нуждаются во внешних гарантиях, чтобы говорить правду.

«Поэтому наша Коммуна правильно решила, что эта подлая штука должна быть предоставлена монархическим правительствам, которые не могут существовать в атмосфере справедливости и поддерживают себя лишь обманом и развратом.

«Она правильно поступила, чорт побери!

«Присяга—это дело Баденга⁴³ и подобных ему мерзавцев!

«Хорошие ребята не нуждаются в подобных церемониях, чтобы показать, что они исполняют свой долг.

«Они исполняют его и довольствуются этим.

«Их патриотизм судят не по их словам, а по их делам.

«И если, чорт побери, среди них найдутся такие, которые сойдут с прямого пути и начнут предавать нацию, с ними справятся в два счета! И уже, во всяком случае, без помощи господ бога!»

Но, восхваляя таким образом, декрет 2 апреля и его отдельные дополнения, «Отец Дюшен» вместе с тем не закрывает глаз на его отдельные недостатки и неполноту.

Так, например, в № 24 «Отец Дюшен» выражает свое возмущение по поводу того, что, декретируя призыв в ряды национальной гвардии всех мужчин в возрасте от 17 до 35 лет, Парижская коммуна сделала исключение для духовенства:

«Из этого правила не должно быть никаких исключений.

«Особенно необходимо, чтобы были призваны священники.

«Вот уже 1800 лет, как эти прохвосты подвергают нас сожжению, колесованию, обезглавливанию и другим видам смерти.

«Это они, посредством их проклятых благословлений, освятили своим авторитетом все посягательства на права народа.

«Это они отдали свои Те Деум на службу тиранам.

«Это они в своих проклятых лавочках воспевали все преступления пожирателей людей.

«Это они служили шпиками в течение всей этой проклятой и столь для нас роковой войны с пруссаками.

«Это они, наконец, оплачивают нашими несчастными грошами проклятых жандармов, расстреливающих наших пленных и убивающих наших славных генералов.

«И мы дадим им возможность спокойно шататься по бульварам?

«Нет, этого не будет!

«Военную форму на этих молодчиков!

«Дадим им сапоги на ноги и винтовку на плечи! И марш—вперед, в первые шеренги батальонов!

«Вам первое место, господа святые отцы! Так и быть, мы окажем вам эту любезность!

«И посмотрим, какую мину состроят шуаны Шаретта и зуавы римского палы, когда перед дулом своих ружей они увидят ваши постные физиономии.

«Отец Дюшен заплатил бы четыре су, чтобы присутствовать при этом спектакле.

«Наша добрая Коммуна не посмеет ему в этом отказать».

В еще более резкой форме составлена статья, помещенная в № 54 «Отца Дюшена»:

«Слушайте, граждане—члены Коммуны!

«Что особенно сильно приводит Отца Дюшена в негодование—это то, что вы предоставляете попам, являющимся самыми заклятыми врагами Революции, делать все, что им заблагорассудится.

«Они хорошо знают, что, когда все короли и императоры будут окончательно ликвидированы, им придется работать, как всем прочим гражданам.

«Удивительно ли, что они предпочитают вышивать и обжираться, нежели дробить камни, ковать железо, стругать дерево и добывать руду?

«Но что вы предприняли в отношении этих прохвостов?

«Вы издали декреты, касающиеся этих господчиков.

«Но что дали эти декреты? Ровным счетом ничего.

«Они плюют на вас и в этом они, чорт побери, вовсе не так уже неправы!

«Как, чорт возьми, да ведь церковь у нас отделена от государства?

«Но в таком случае почему же все эти мерзавцы не включены в ряды национальной гвардии? Почему они не стоят под ружьем? Почему им не доставят удовольствия поставить их под пули вер-

⁴³ Насмешливое прозвище Наполеона III.

сальцев, которых они так любят? Лишь когда они получают от них малую толику пуль, они, пожалуй, сообразят, что на свете есть вещи, куда более симпатичные, нежели версальская сволочь!

«И затем — проклятие! — почему им еще не сдают в наем их церквей?»

«Отец Дюшен сторонник свободы совести.

«Ему наплевать на то, что есть люди, которым доставляет удовольствие лопать на пустой желудок просфоры, чтобы заморить червячка. У каждого свой вкус.

«Отец Дюшен предпочитает стаканчик белого вина.

«Но не нужно заставлять людей следовать собственному вкусу.

«Но, чорт, побери, церкви же являются собственностью государства! Зачем же бесплатно отдавать их попам? Пусть они оплачивают их, чорт побери!

«И пусть их сдают предпочтительнее всего мелким попам, ибо они не такие фанатики, как крупные. Кроме того, они часто подвергались преследованиям, и здесь, как и всюду, крупные пожарили мелких.

«И пусть они, чорт побери, платят часть арендной платы вперед.

«Вы увидите, что многие мелкие попы с удовольствием пойдут на эксплуатацию церковных лавочек! Для тех же, кто будет сопротивляться, не должно быть никакой жалости.

«А тех, кто клеветует на Коммуны и от имени версальцев расточают обещания или угрозы—

«В воду их, чорт побери! И притом немедленно!

«Это военные шпионы, и недаром же, чорт побери, существует воинский устав о наказаниях!

«Как и все шпионы, они подлежат не обыкновенному суду, а военно-полевому.

«О, чорт побери! Дело должно двинуться вперед, и оно двинется! В 91, 92 и 93 г. г. ⁴⁴ со шпионами-попами не шутили, и тогда были правы. Мы должны действовать таким же точно образом.

«При первой революции с этими паршивцами расправлялись вовсе не потому, что они были попами.

«Революционеры того времени были вовсе не настолько глупы и притом ведь именно они первые провозгласили свободу совести.

«С ними расправлялись потому, что они были шпионами, находились в сношениях с эмигрантами, осведомляли их о положении и настроениях страны и т. д. Это были настоящие шпионы, такие же, как и их друзья—аристократы и монахи.

«И за это им воздавали должное.

«Что можно против этого возразить? Разве это не соответствует обычному праву, морали, справедливости и вечным обычаям всех наций?»

«Знаете ли вы хоть одну страну, где, поймав шпиона, давали бы ему знак отличия или денежное вознаграждение?»

«Отец Дюшен, знающий много разных вещей, никогда не слышал ни о чем подобном.

«Итак, граждане из Коммуны, вы теперь знаете, что вы должны сделать.»

«Революция 93 года показывает вам путь.

«Отец Дюшен требует, чтобы все попы, не желающие стать обыкновенными гражданами, защищающими, когда это нужно, государство и одевающимися подобно всем людям, получили бы такой урок, который отобьет у кого бы то ни было охоту последовать их примеру.

«Вот чего хочет Отец Дюшен.

Нельзя не признать, что критика «Отца Дюшена» являлась совершенно заслуженной. Мы уже отмечали, что основным недостатком декрета 2 апреля было то, что он, в сущности говоря, являлся лишь чисто теоретической декларацией, не содержащей никаких конкретных указаний о реальных мероприятиях, связан-

⁴⁴ Т.-е. во время Великой французской революции.

ных с практическим осуществлением принципа отделения церкви от государства. Особенно существенным при этом было то, что декрет 2 апреля совершенно обходился молчанием вопросом о тех основаниях, на которых церковные здания должны отдаваться в пользование верующих. Связанные с этим неудобства были настолько очевидны, что Парижская Коммуна оказалась вынужденной поставить этот вопрос уже в своем заседании 3 мая.

Однако, если раньше сторонники якобинско-бланкистского большинства Коммуны были склонны рассматривать бывшие церковные имущества, как собственность национальную, а не коммунальную, то к 3 мая они изменили свой взгляд и перешли на точку зрения прудонистов. Это, однако, не помешало Коммуне зацелиться в юридических тонкостях вопроса, результатом чего явилось то, что после длинных и запутанных прений Коммуна в своем заседании 3 мая вопроса не разрешила и послановила отложить его на неопределенный срок. А так как в последовавшие затем глубоко-трагических перипетиях последних недель существования первого в истории человечества опыта диктатуры пролетариата Коммуне было уже, конечно, не до вопроса о церковных имуществах, то единственным следствием прений 3 мая явилось нижеследующее постановление делегата юстиции Прото:

«Член Коммуны, делегат юстиции

п о с т а н о в л я е т :

Гражданин Фонтэн (Жозеф) назначается заведывать секвестром всех имуществ, как движимых, так и недвижимых, принадлежавших религиозным корпорациям или общинам, находящимся на территории Парижской коммуны.

«Член Коммуны, делегат юстиции

«Париж, 7 мая 1871 г.»

«Эжен Прото».

Такова история деятельности Парижской коммуны в вопросе об отделении церкви от государства. Несмотря на все ее недостатки и неполноту, значения этой деятельности не следует ни в коем случае преуменьшать. Не говоря уже (об этом мы говорили выше) об огромном чисто принципиальном значении отделения церкви от государства, как одной из мер Парижской коммуны, направленных к разбитию аппарата буржуазной государственности отдельные органы Коммуны пошли несравненно далее, чем она сама. В целом ряде районов Парижа были сделаны совершенно реальные шаги к практическому осуществлению постановления 2 апреля, и если шагам этим не было суждено превратиться в единую стройную систему, причина этого заключается не в недостатке сознательности или энергии коммунаров, а лишь в краткости того 72-дневного срока, который был отпущен историей на эту геройскую попытку.

У. ОТДЕЛЕНИЕ ШКОЛЫ ОТ ЦЕРКВИ

Значительно больше, чем в области отделения церкви от государства, успела Парижская коммуна совершить в отношении отделения школы от церкви.

Требование отделения школы от церкви мы находим уже в целом ряде манифестов различных общественных организаций (Федерального совета парижских секций Интернационала, Центрального комитета 20 округов и т. д.), выпущенных уже через несколько дней после революции 18 марта. А в развернутом виде соответствующий проект был представлен обществом «Новое воспитание», специальная делегация коего была принята 1 апреля Парижской коммуной и передала ей записку, рисующую план новой системы образования. В этой записке, наряду с требованием обязательного и бесплатного обучения, говорилось:

«Религиозное или догматическое обучение должно быть целиком и полностью предоставлено на свободное усмотрение семьи. Оно должно быть безусловно и немедленно упразднено, и притом для лиц обоего пола, во всех школах и учреждениях, содержание которых оплачивается за счет налоговых поступлений.

«В этих образовательных и воспитательных учреждениях, в местах, доступных взорам учащихся или посетителей, не должны выставляться никакие предметы культа или религиозные изображения.

«В этих учреждениях не должны преподаваться или практиковаться ни совместно, ни индивидуально, какие бы то ни было религиозные обряды, молитвы и вообще что-либо, являющееся достоянием совести отдельных людей.

«На всех публичных экзаменах, и, в частности, при экзаменах на аттестат зрелости, не должны задаваться вопросы, касающиеся области религии.

«Наконец, какие бы то ни было корпорации, имеющие целью обучение, должны отныне допускаться лишь на правах частных или свободных организаций»⁴⁵.

Принципы этой декларации встретили со стороны Коммуны полное сочувствие. «Делегации было отвечено»,—читаем мы в том же номере «Официальной газеты»,—«что Коммуна вполне сочувствует идее радикальной реформы образования в указанном делегацией направлении. Коммуна понимает исключительную важность этой реформы, и она рассматривает выступление делегации как одобрение пути, на который она намередается вступить».

⁴⁵ «Journal Officiel» от 2 апреля.

При таком настроении неудивительно, что, как мы увидим дальше, отдельные парижские округа немедленно же приняли каждый в пределах своей компетенции, за практическое осуществление принципа отделения школы от церкви. Но так как это должно было неизбежно вызвать известный разнобой, то 28 апреля делегат Парижской коммуны по просвещению Вальян оказал вынужденным издать нижеследующее распоряжение:

«Принимая во внимание, что необходимо в кратчайший срок организовать начальное и профессиональное образование по одному для всех округов Парижа образцу;

«С другой стороны,—что настоятельно необходимо ускорить всюду, где оно еще не проведено, преобразование религиозного обучения в светское;

«Чтобы помочь, наконец, Комиссии просвещения в этой работе.

«Делегат Коммуны по народному просвещению постановляет

«1. Учреждается комиссия под названием «Комиссия по организации обучения».

«2. В состав ее войдут граждане Андрэ, Дакоста, Манье, Рама Санглие.

«Э. Д. Вальян».

«Париж, 28 апреля 1871 г.

Посмотрим теперь, что сделали отдельные округа Парижа в направлении осуществления принципа замены религиозного обучения светским.

Раньше всего приступил к этому делу XVII округ, в котором делегат по коммунальному образованию Рама уже 8 апреля обратился ко всем учителям и учительницам коммунальных школ и приютов с нижеследующим циркуляром:

«Принимая во внимание, что свобода совести, чтобы быть действительной, должна быть целиком и полностью обеспечена всеми без исключения гражданами;

«Принимая во внимание, что содержание за счет налоговых поступлений воспитательные и образовательные учреждения должны быть одинаково доступными для детей всех налогоплательщиков, каковы бы ни были их интимные верования;

«Принимая во внимание, что религиозное и догматическое воспитание детей должно быть полностью предоставлено на усмотрение их семей;

«Принимая во внимание, что наиболее передовые народы философы всех направлений сходятся в таком толковании понятий истины и морали, в силу которого эти понятия сводятся к требованию уважения, справедливости и неприкосновенности в отношении каждой человеческой личности, вне зависимости от расы, национальности, вероисповедания, общественного положения, пола или возраста, и что принципы эти отличны от какого бы то ни было культа, религии или философской системы;

«Принимая во внимание, что в общественных школах и приютах должно преподаваться только то, что никем не оспаривается, и что таким образом содействует согласию и умиротворению чувств и умонастроений;

«Принимая во внимание, что во все времена и во всех странах злоупотребляли—иногда с самыми лучшими намерениями,—невежеством и легковерием детей для того, чтобы внушать им посредством примера, насилия или привычки, суеверия предрассудки и чувства несправедливости или ненависти, приводящие к возникновению войн и социальных потрясений;

«Принимая во внимание, что требование справедливости является неотчуждаемым и ненарушимым правом и что власть не должна ограничивать его какими бы то ни было условиями или требованиями легальности;

«Принимая во внимание, что всякое замедление в осуществлении свободы совести равносильно ее полному попранию;

«Принимая во внимание, что попрание свободы совести деморализует и развращает людей; что оно унижает природу человека; что оно хотя и медленно, но неуклонно ведет к самым страшным несчастьям,—

«Учителя и учительницы общественных школ и приютов XVII округа приглашаются принять к руководству нижеследующие инструкции:

«Они должны пользоваться исключительно экспериментальным или научным методом преподавания, т. е. таким, который исходит из наблюдений над фактами, какова бы ни была их природа: физическая, моральная, интеллектуальная.

«Преподавание морали должно быть одновременно практическим и теоретическим, но обязательно чуждым каких бы то ни было религиозных или догматических принципов. В силу этого оно будет применимо ко всем и не будет никого оскорблять. Оно будет одинаково враждебно как стремлению к владычеству, так и духу рабобленства.

«Не должны преподаваться ни молитвы, ни обряды, ни вообще что бы то ни было, относящиеся к индивидуальной совести.

«В школах и приютах, в местах, доступных взорам учащихся или посетителей, не должны выставляться какие бы то ни было предметы культа или религиозные изображения.

«Учащиеся не должны пользоваться какими бы то ни было книгами или учебными пособиями, противоречащими в чем бы то ни было научным методам и тому духу согласия, осуществление которого является целью настоящего циркуляра.

«Учителя и учительницы, несогласные с требованием применения к коммунальному воспитанию строжайшего принципа свободы совести, приглашаются не позднее конца текущего месяца освободить помещение и школьное имущество, предоставленные им администрацией. Они приглашаются заранее предупредить о

дне, когда они думают прекратить преподавание, дабы дети не пострадали от перерыва в занятиях.

«Кроме коммунальных школ и приютов, допускается существование, в качестве частных и свободных учреждений, воспитательных и образовательных заведений, работающих под надзором и под ответственностью родителей. Существование этих заведений регулируется общими законодательными нормами.

«Париж, 8 апреля 1871 г.

«Делегат по коммунальному образованию
XVII округа—Р а м а».

«Читал и одобрил.

«Член Коммуны, исполняющий обязанности муниципального чиновника XVII округа—Б. Малон».

По стопам XVII округа пошел III округ, в котором 23 апреля было издано следующее хотя и краткое, но чрезвычайно яркое обращение к гражданам округа:

«Граждане!

«То, чего вы так давно добивались вместе с нами, то, в чем отказывали нам люди 4 сентября,—чисто светское образование,—является теперь совершившимся фактом для нашего округа.

«Нашими стараниями и заботами Комиссии просвещения три конгрегационные школы улиц Фердинанда Берту, Нев-Бур-л'Абба и Беарна—уже в руках светских учителей.

«Мы надеемся, что эти учителя, во имя лучшего будущего страны, сумеют воспитать граждан, сознающих свои права и обязанности по отношению к Республике.

«Париж, 23 апреля 1871 г.

«Члены Коммуны:

А н т. А р н о, Д э м е, К л о в и с Д ю п о н, П е н д и».

А 19 мая в III округе было опубликовано следующее сообщение о ходе школьной реформы:

«С того времени, когда во главе управления III округом стали члены Коммуны, муниципалитет никогда не поощрял религиозного обучения. 16 апреля все братья ордена христинской доктрины очистили наши школы и были немедленно замещены светскими учителями, которых в округе насчитывалось человек двадцать. То же произошло и с сестрами, которые точно так же были замещены учительницами, к великому удовольствию местных жителей. В учебных пособиях недостатка не оказалось, и мы отменили их продажу учителями. Они выдаются бесплатно трем тысячам детей, которые посещают наши школы.

«Париж, 19 мая 1871 г.

«За членов Коммуны, уполномоченных III округа:
«Генеральный секретарь Л е о н Ж а к о б».

Не отставал и XVIII округ, в котором член Коммуны Ж. Б. Клеман 10 мая обратился от имени окружной мэрии со следующим воззванием к директорам и директриссам школ округа:

«Граждане и гражданки!

«Новая система обучения, которую предполагает ввести Коммуна, не может быть пока осуществлена. Война, которую ей навязывают, не дает ей возможности, как бы она этого хотела, немедленно разрешить все важные вопросы, выдвинутые революцией.

«В ожидании инструкций, которые вырабатывает и не замедлит прислать вам Комиссия просвещения, я прошу вас принять к сведению и исполнению нижеследующие указания. Я убежден, что вы поймете их важность и будете готовы помочь нам в задаче, которую мы себе ставим.

«Итак, мы просим вас удалить с глаз детей все то, что могло бы напугать их о глупостях, которыми нас так долго морочили; отныне в наших школах не должно быть больше места ни картинам, ни книгам религиозного содержания, ни крестам, ни статуям святых.

«Вы покроете слоем белой или черной краски латинские надписи и замените их такими общечеловеческими девизами, как: Свобода, Равенство, Братство, Труд, Справедливость, Республика.

«Равным образом вы упраздните конечно, и притом немедленно, преподавание так называемой священной истории, катехизиса и церковного пения.

«В ближайшее же время мы предоставим в ваше распоряжение серию хороших книг. Словом, вы понимаете, царство заблуждений кончилось; мы должны распространять свет истины и научить других любить ее.

«Молитва, само собой разумеется, упраздняется; мы заменим ее уроками более полезными, более пригодными для дела нравственного воспитания.

«Настоящие указания—не более, как черновой набросок программы, которую мы разрабатываем; несмотря на это, я счел все же нужным сообщить их вам и просить вас соблюдать их с рвением и толком.

«Я настоячиво также рекомендую вам проявлять величайшую осторожность и мягкость в обращении с доверенными вам детьми.

«Мы знаем, как велики трудности и бремя вашей ответственности; никогда не упуская этого из виду, мы сумеем быть благодарными вам за ваши усилия. Братский привет!

«Париж, 10 мая 1871 г.

«Ж. Б. Клеман,
член Коммуны».

В заключение характеристики мероприятий отдельных округов революционного Парижа 1871 года по замене религиозного воспитания светским приведем еще циркуляр мэрии IV округа «К родителям округа» от 12 мая. Вот его текст:

«Совокупность человеческих знаний является общей сокровищницей, из которой каждое поколение имеет право черпать, и тем условим, что научный капитал, накопленный в прошлом, идет расти на пользу грядущим поколениям. Каждый ребенок имеет неотъемлемое право на образование, а потому посылка детей в школу является священным долгом семьи или, — за неимением ее, — самого общества.

«Только образование способно сделать из ребенка, когда он станет взрослым, человека, действительно ответственного за свои поступки по отношению к другим людям.

«Как, в самом деле, можно требовать исполнения законов, если граждане даже не могут прочесть их текста?

«Исходя из этих бесспорных принципов, Парижская коммюна приступает к организации народного образования.

«Но прежде всего она должна принять меры к тому, чтобы отныне уважалась свобода совести ребенка и из его обучения устранено все, что может нанести ему вред.

«Именно школа должна внушать детям, что всякое философское учение должно проверяться с помощью законов логики и данных положительной науки.

«Коммуна не намерена насиловать чужих-либо религиозных убеждений, но она должна строго следить за тем, чтобы и над ребенком, в свою очередь, не производилось насилия путем навязывания ему догматов, к которым он, по своему неведению, не мог отнестись критически или принять их вполне сознательно. Мы устранили из народных школ нашего округа всех членов различных религиозных конгрегаций, которые до сих пор держали в своих руках дело просвещения, в нарушение принципа свободы совести и культов, закрепленного французской революцией. Отныне руководить школами будут исключительно светские преподаватели и преподавательницы; путем частых обследований мы будем только следить за тем, чтобы все без исключения элементы религиозного воспитания были изгнаны из школы.

«Научить ребенка любви и уважению к себе подобным, воспитать ему чувство справедливости, внедрить в его сознание, что человек должен учиться во имя общественных интересов, — вот те основные принципы, на которых отныне должно покоиться коммунальное воспитание.

«Придите же к нам на помощь своим содействием в деле осуществления этой полезной и плодотворной задачи.

«Да здравствует Республика! Да здравствует Коммуна!

«Члены Коммуны, делегаты IV округа:

«Амуру, Артур Арну, А. Бланс, Э. Жерарден, Г. Лефрансэ».

Само собой разумеется, что все эти мероприятия отделов округов революционного Парижа не могли не встретить са-мостоятельного сопротивления со стороны духовенства, ко-

пыталось бороться с ними то открыто, то путем саботажа. Именно этим, очевидно, и было вызвано помещенное в «Официальной газете» от 12 мая распоряжение следующего содержания:

«В скором времени религиозное обучение совершенно исчезнет из парижских школ.

«Однако, воспоминание о нем, в виде распятия, мадонны и других символов, еще остается во многих школах.

«Преподаватели и преподавательницы школ должны добиться их удаления, так как присутствие этих предметов оскорбляет свободу совести.

«Предметы этого рода, сделанные из ценных металлов, должны быть переданы по описи в Монетный двор».

А через два дня после этого, 14 мая, Вальян издал следующий приказ:

«В некоторых округах члены конгрегаций отказываются подчиняться приказаниям Коммуны и препятствуют введению светского обучения.

«Всюду, где подобное сопротивление будет иметь место, оно должно немедленно пресекаться, а ослушники арестовываться.

«Муниципалитетам округов и делегату общественной безопасности предлагается действовать в этом смысле быстро и решительно и войти для этого в контакт с делегацией просвещения.

«Париж, 14 мая 1871 г.

«Член Коммуны, делегат по просвещению

Эдуард Вальян».

«Одобрено Комитетом общественного спасения.

«Эд. Гамбон».

Откликом на это распоряжение была статья, помещенная в № 64 газеты «Отец Дюшен». Вот ее текст:

«О, чорт побери! Это уже слишком!

«Попы издеваются над нами!

«Нет, дальше так продолжаться не может!»

«Вы знаете, патриоты, и Отец Дюшен вам уже об этом говорил, что делегат по народному просвещению, здорово понимающий интересы патриотов, издал декрет, устанавливающий такой порядок народного образования, при котором дети будут воспитываться без того, чтобы втягивать им в головы целую кучу поповских выдумок.

«Попы будут устранены от дела народного образования.

«Вот чего хочет делегат по народному просвещению. И надо сказать, что он здорово понял, чего хочет Отец Дюшен.

«В V округе, куда Отец Дюшен часто отправляется распить бутылочку с одним своим приятелем-патриотом, живущим поблизости от Пантеона, уже энергично принялись за осуществление мероприятия, предложенного делегатом по народному просвещению.

«Но, черт побери, попы оказывают сопротивление.

«Они изволят гневаться.

«Так, по крайней мере, говорит нам афиша. выпущенная годня гражданином Эд. Вальяном.

«Ну, разве не сволочи эти господа?

«И чего только с ними церемонятся!

«С ними, которые уже восемьдесят лет ⁴⁶ вкладывают па. в колеса Прогрессу, развивающемуся, однако, несмотря на все старания.

«С ними, которые борются с революцией.

«Но теперь революция совершилась.

«Красное знамя, подобно прочим знаменам, не шьется в поповских рясах!

«Да здравствует Коммуна! Долой все, что мешает ее поб.

«Долой всех, проповедующих мракобесие,

«Восхваляющих темноту,

«Ведущих к деспотизму,

«К эксплуатации богатством нищеты,

«К торжеству капитала!

«Попам не должно быть места в деле народного образования»

«Старый мир разрушен, и осиновый кол в его могилу!

«Дорогу Разуму и Развитию, которые одни только делают людей свободными!

«Попам не должно быть места в деле народного образования!»

Но распоряжение 14 мая не было последним мероприятием Парижской коммуны в ее борьбе за советскую школу, и еще через четыре дня, т. е. почти накануне своей гибели, она издает следующий декрет:

«По предложению делегации просвещения

Коммуна постановляет:

«В течение 48 часов будет составлен список всех учебных заведений, находящихся еще, несмотря на приказания Коммуны, в руках членов конгрегаций.

«Имена членов Коммуны, делегированных в муниципалитеты округов, где приказания Коммуны о введении исключительно светского образования не будут исполнены, будут ежедневно публиковаться в «Официальной газете».

«Париж, 18 мая 1871 г.

«Парижская коммуна».

Но если, таким образом, мы видим, что Парижская коммуна до самого конца своего существования уделяла вопросу об отделении школы от церкви весьма значительное внимание, то, с другой стороны, нельзя не отметить, что речь шла лишь о замене воспитания религиозного воспитанием антирелигиозным, а не о воспитании антирелигиозным. Объяснения этого явления следует искать конечно в том, что, не гово-

уже о прудонистах и бакунистах, точка зрения коих нам известна, даже якобинцы считали, что государство не может и не должно вмешиваться в религиозные верования отдельных граждан.

Что же касается до бланкистов, то они, как известно, считали, что бог может быть упразднен простым декретом (выражение Энгельса), и в силу этого, конечно, не могли понять необходимости антирелигиозной пропаганды. Этим же объясняется и то обстоятельство, что Парижская коммуна, столь сильно интересовавшаяся отделением школы от церкви, ровно ничего не сделала для антирелигиозной пропаганды среди взрослых.

Но при всех этих бросающихся в глаза недостатках, произведенная Коммуной реформа начального образования имела, само собой разумеется, очень большое историческое значение, и ее деятельность в этом направлении послужила прямым примером для школьной политики СССР.

⁴⁶ Т. е. со времени Великой французской революции.

«Известно, что влияние священников было непреодолимо. И папский авторитет, согласие глав семьи, пользовавшихся абсолютной властью; несторожные или вынужденные обеты; боязливость и, наконец, воображение и темперамент—все это приходило на помощь священникам и содействовало победе их гнусных помыслов.

«Коротко говоря, женщины или девушки бесследно исчезали из общества, и все это оказывалось к лучшему как для спасения души жертвы, так и для святого дела церкви! Это был своего рода заповедный питомник, да к тому же еще находившийся под защитой божества!

«Горе тому смельчаку, который осмелился бы приподнять завесу! В прошлые времена его ожидали пытки и смерть, а в настоящее время — разорение, тюрьма и анафема привилегированных.

«Все это не пустые предположения, а трезвая оценка фактов

Н а с т о я щ е е.

«Но предположим даже, что в настоящее время подземный ход перестал существовать. Предположим, что женщины или девушки попадали в объятия этих лицемеров через открытую дверь, под зловредным действием причастия, пройдя через исповедальню или алтарь. Не все ли равно? Разве это может уменьшить ужас

или негодование целого Парижа? Пусть парижане спустятся в находящееся позади алтаря подземелье,—они увидят там ужасную картину и услышат душераздирающие вопли. Слушайте их:

«Священники, наши безжалостные палачи, заманив нас сюда посредством насилия и обмана и вдоволь удовлетворивши свою гнусную чувственность, скоро насытились. Тогда нам пришлось уступить место более красивым или более молодым. После ужасов последней оргии действие сильного наркотика отдало нас, без

всякой возможности сопротивления, в руки этих чудовищ, которые сняли с нас наши одежды и связали нас так крепко, что на наших костях до сих пор сохраняются следы трения одна о другую. Через некоторое время, когда действие наркотика прекратилось, мы пришли в себя и стали жертвой невыразимой тревоги и ужаса. Инстинктивно мы стали пытаться освободиться от скывавших нас пут.

«Но все было напрасно—одни только наши головы могли корчиться на мокрой земле. Мы пытались вдыхать легкий ток воздуха, проникавший к нам со стороны лестницы, и именно поэтому головы наши повернуты все в одну сторону. Представьте себе наши мучения; представьте себе нашу агонию, нашу отчаянную

борьбу и постепенное удушье, бывшее следствием того, что при каждой попытке дышать рты наши наполнялись землей. Дотроньтесь до наших израненных и широко раскрытых челюстей! Сколько трупов, столько же мучеников! Прокляните же, накажите наших палачей! Ведь перед вами явное и безнаказанное преступление! Мы требуем правосудия! Отомстите за нас!»

«... Он настал, наконец, час великого и безжалостного правосудия! Ничто не может остановить его—ни время, ни пространство! Оно держит в своих руках весы и блестящий меч. А, проклятые, вы думали, что находитесь в безопасности, но вы напрасно заполнили подземелье костями наших предков⁴⁷. Смелые и мсти

⁴⁷ Наряду со свежими еще останками в подземелье церкви св. Лаврентия были найдены также и скелеты, относившиеся, по видимому, к более давним временам.

тельные руки отбросили их в сторону и открыли обвиняющий вас склеп! Будущее заставит заговорить прошлое. Страницы вашей истории будут написаны кровавыми буквами, и читать их будут при свете костров, на которые вы взойдете!»

«Осмотрев склеп и раскопав скрывавшую эти страшные останки землю, спокойная и величественная наука пришла к выводу, что скелеты принадлежат несчастным, погребенным не ранее десяти лет тому назад. Между тем царство нынешнего короля продолжается уже 17 лет. Но не все ли равно, когда было совершено преступление, раз для него не может существовать никакой давности!»

«О, справедливость, если ты соразмеряешь степень наказания с размерами преступления, твой меч иступится, особенно, если ты примешь во внимание количество жертв! Нет слов, чтобы передать твоё возмущение, чтобы нарисовать произведенное тобой следствие!»

«... А ты, смелый, умный и добрый парижский народ, приди посмотреть, чем стали в руках этих негодяев твои жены и дочери! Приди посмотреть и перечесть их останки—они принадлежат тебе. Раскроешь ли ты, наконец, глаза на поступки и действия этих мучителей тела и развратителей души? Долго ли будешь ты еще пребывать в твоей преступной апатии, долго ли позволишь ты еще твоим женам и дочерям посещать их церкви, эти открытые дома разврата? Если и теперь не пробудится твой гнев, если и теперь из глаз твоих не посыпятся искры и руки твои не сожмутся от негодования,—сделай тогда, как сделал Карл V, и ляг живым в могилу!»

«Но нет, ты проснешься и восстанешь, как Лазарь! Ты озаришь своих жен лучами разума, без которого для мира нет и не может быть спасения. Этот склеп будет тем маяком, который озарит путь человечества до того блаженного часа, когда наступит время всеобщей гармонии.

«Париж, 3 мая 1871 г.

«От имени муниципалитета

«Перудье».

Находка в церкви св. Лаврентия не оказалась единственной в своем роде. Почти одновременно с ней в монастыре Пикпюс были обнаружены не только скелеты (как взрослых, так и новорожденных детей), но и три живые, тайно содержавшиеся там женщины,—по словам монастырского начальства—умалишенные. Там же были найдены какие-то странные, якобы ортопедические, инструменты, в которых общественное мнение Парижа увидело орудия пыток, применявшихся в качестве меры воздействия на непокорных монахинь.

Вот что сообщалось по этому поводу в статье, напечатанной в газете «Коммуна» от 6 мая:

«Монастырь Пикпюс»

«Мы посетили монастырь белых сестер на улице Пикпюс, который все еще охраняется 73-м батальоном.

«Золотые и серебряные вещи, служащие для различных религиозных церемоний, помещены в швейцарской по левую сторону от входных дверей. Наверху, в первом этаже, помещено бюро расследования, изучающее и распределяющее переписку монастыря.

«Различные ортопедические приборы, которые, по словам сестер, служили для ортопедического лечения, но которые общественное мнение более склонно рассматривать, как орудия пыток, продолжают еще находиться в тех павильонах, где они были найдены. Там можно видеть инструменты для вытягивания членов и железные каски, охватывающие половину черепа и легко могущие сжать его, точно клещами. Тут же находится небольшая платяная корзина, по своей форме напоминающая детскую колыбель и, повидимому, употреблявшаяся, как таковая.

«Кроме того, нам удалось посетить хижину, в которой были заключены несчастные три сестры, по словам настоятельницы, помещенные туда в качестве сумасшедших. Если это даже и соответствует действительности, то это отнюдь не может служить оправданием для сестер, заточивших таким образом троих своих товарок, ибо для умалишенных существуют ведь специальные учреждения.

«Это подобие хижины разделено на три клетушки. В средней из них, огороженной железными прутьями, и жили три несчастные сестры. Две из них были заключены в деревянную клетку, едва-едва достаточную, чтобы их поместить; убежищем для третьей служил остаток помещения.

«Кроме этого, нам показали два женских черепа и различные кости.

«На одном из черепов заметны еще остатки волос.

«Монастырский врач задержан и помещен в тюрьму Мазар. Он утверждает, что не знает ту из трех сестер, которая сохранила рассудок. Что касается двух других, то он, по его словам, лечил их от страданий, сделавших их полуидиотками.

«В одном из погребов мы заметили сделанные в стену железные обручи, служившие, как говорят, орудием пытки для сестер, которых подвешивали туда за руки.

«Что касается до еще находящихся в монастыре сестер, то они хранят полное молчание и, по их словам, ничего не знают о назначении предъявленных им инструментов.

«Мы надеемся, что правосудие не замедлит пролить свет на это таинственное дело».

Возвращаясь к этой теме в своем номере от 8 мая, «Коммуна» заявляет:

«Мы считаем, что теперь, когда можно говорить вслух то, что угадываешь, что знаешь и что можешь доказать, нет больше надобности замалчивать правду о женских монастырях. Монастыри эти не являются и никогда не являлись ничем иным, как домами теримости для священников, капуцинов и членов других конгрегаций».

«Монахини и всевозможные сестры, какими бы названиями они не прикрывались, являются до тех пор, пока они молоды

и привлекательны, тем же самым для чернорясников, чем девушки с бульваров являются для светских, будь то гражданских или военных».

Той же самой теме о монастыре Пикпюс посвящена статья, напечатанная 10 мая в газете «Справедливость» («La Justice»).

«Дело монастыря Пикпюс».

«Следствие по делу монастыря Пикпюс идет полным ходом.

«Гражданин Марэ, официальное назначение которого судебным следователем только что опубликовано в «Официальной газете», провел весь вчерашний день в помещении монастыря.

«Газеты помещают письмо бывших учениц этого монастыря, которые утверждают, что три заключенных монахини были простыми умалишенными, лишь из милости содержимыми в мона-

«тыре, и что орудия пыток являются не чем иным, как ортопедическими инструментами.

«Многие газеты заявляют, что эти объяснения кажутся им вполне удовлетворительными.

«Мы же, со своей стороны, лишь напомним, что никогда еще открытие этих ужасных преступлений против прав, совершаемых духовными преподавателями над личностью вверенных им детей, не проходило без того, чтобы не только среди учащих, но даже и среди их родителей не раздавались голоса, отрицающие эти ужасные факты.

«Именно это самым явным и самым страшным образом свидетельствует о той степени духовного разложения, которую может произвести среди общества анти-национальная и анти-общественная система безбрачия духовенства. Чего больше, когда эта система подавляет самые священные чувства, вплоть до совести отца или матери!

«Но простой здравый смысл опровергает эти нелепые оправдания.

«В самом деле—монастырь Пикпюс не является ни домом для умалишенных, ни ортопедической лечебницей.

«Даже если допустить, что в данном случае сумасшествие не является результатом заключения, самый факт такого заключения остается неопровергнутым.

«Нужно, чтобы на все эти факты был пролит самый яркий свет, и далеко не второстепенным результатом замечательной революции 18 марта будет осуждение и окончательное исчезновение этих учреждений и институтов, давно уже переставших соответствовать духу нашего времени. Их дальнейшее сохранение явится бы прямой пощечиной общественной и социальной морали».

Если право-прудонистские «Коммуна» и «Справедливость» писали, как мы видим, о деле монастыря Пикпюс, в относительно мягких выражениях, то в совсем другом тоне подошли к вопросу лево-прудонистский орган Жюль Валлеса «Крик народа» («Le Cri du Peuple») и, в особенности, бланкистский «Отец Дюшен».

В № 56 «Крика народа» от 6 мая мы находим следующую статью:

«Преступление улицы Пикпюс».

«Каждый день разоблачает нам какие-нибудь новые ужасы виновниками которых являются те мужчины и женщины, что промемж себя именуют друг друга «святыми женщинами» и «божьими людьми».

«Ненависть народа его не обманула.

«При насильнической власти Бонапарта, при лицемерном правлении людей 4 сентября, мы лишь с чувством презрения проходили мимо этих длинных, черных, неизвестно, что скрывающих ген.

«Что за этими стенами? Сады? Монастыри? Тюрьмы? Или

притоны лентяев, идютов, убийц и проституток?

«Иногда луч света на минуту врывается в эти потемки и от времени до времени из-за толщины этих стен доносились глухие звуки».

«Но скоро опять наступала тишина. Этого требовал порядок».

«Теперь мрак рассеян.

«После трупов церкви св. Лаврентия мы имеем скелеты монастыря Пикпюс—скелеты детей, задушенных монахинями при самом их рождении.

«Церковь запрещает монахиням брак. Выход из этого они находят в детоубийстве.

«Помимо того, говорит газета «Пароль», в келье одной монахини найдена книга о способах производства абортюв».

«Но нашли не только мертвых. В маленькой зловонной келье, не то хижине, не то коридоре—найдены запертыми и как бы живо замурованными три несчастных женщины! Одной из них 60 лет, две других помоложе. Они находились в темноте, грязи, среди собственных извержений. И так они прожили 10 лет!

«О, будь оно проклято, это гнусное учение, делающее подобные вещи не только возможными, но и необходимыми и неизбежными!

«И эти люди заявляют нам, скрещивая руки и опуская глаза, что они бедные, незащитные создания, занятые лишь богом и благотворительностью!

«Хороша благотворительность, убивающая новорожденных!

«Хорош бог, для вящей славы которого закапывают живых людей!

«Чернорясники, отбросьте ваши маски!

«Они больше никого не обманут!

«Коммуна заплатит вам за все.

«Ее правосудие уже началось!»

Еще резче статья «Отца Дюшена»:

«О, чорт побери!

«Отец Дюшен был там самолично.

«И уже во всяком случае нельзя будет сказать, что он говорит, не убедившись в точности своих слов.

«Ибо, проклятие—он, несмотря на все, этому сначала не поверил, хотя эту грязную историю рассказали ему множество патриотов из числа его друзей.

«Но это дело слишком серьезно, чтобы не проверить его лично

«Поэтому, опорожнив свою бутылочку и закусив ломтем хлеба, он сегодня отправился в предместье Антуан и вошел в монастырь на улице Пиклюс.

«Он прежде всего позжал руки своим добрым друзьям, национальным гвардейцам, совершившим там здорово славное дело, и послал к чортовой матери всех монашенок, ведущих, как Отец Дюшен в этом тут же убедился, в своем монастыре совсем не плохую жизнь.

«Да, чорт побери, в этом нельзя более сомневаться!

«Раньше об этом говорили только исподтишка, и когда Отец Дюшен проходил, бывало, вечером мимо этих высоких белых стен, он мычал себе в бороду:

«Чорт побери, за этими стенами, наверно, происходят недурные истории!»

«Он был прав, Отец Дюшен.

«Если бы там по крайней мере только развратничали, это было бы еще ничего.

«Но, патриоты, там происходили такие подлые номера, в которые вы лишь с трудом поверите!

Там мучили несчастных девушек, которые, убедившись, что войдя в эти проклятые коробки, они втяпались в грязную историю, хотели выйти оттуда и стать честными матерями семейств.

«Отец Дюшен видел проклятые ниши — иначе их назвать нельзя — куда запирали этих несчастных девушек.

«Он видел также орудия пыток — железные корсеты и все прочие проклятые приспособления.

«О, паршивые чертовки!

«Отец Дюшен не успел все осмотреть, ибо он сильно торопился идти писать свой листок, который он считает полезным для патриотов, потому что, не считаясь с условностями, прямо и открыто говорит в нем всю правду.

«Но ему сказали, что в монастыре нашли всевозможные костюмы для переодевания и открыли подземные ходы, ведущие к расположенному на противоположной стороне улицы мужскому монастырю.

«Как видно, там здорово выпивали, развратничали и т. д.!

«Там нашли целый винный склад и запас провизии, достаточный, чтобы прокормить целый полк в течение осады!

«И это происходило в то самое время, когда множество слабых ребят подыхали с голоду у порогов своих домов!

«Разве не прав Отец Дюшен, когда он громит попор?

«Так пусть же они убираются к чорту или — проклятие! — им плохо придется!»

«Отец Дюшен сам отправится за ними в их проклятые лавки и посмотрим, что они тогда запоют!»

Но как ни резка эта статья, несравненно сильнее было впечатление, произведенное раскрытием преступлений церкви св. Лаврентия и монастыря Пиклюс на пролетарские низы Парижа, и совершенно несомненно, что впечатление это сыграло немаловажную роль в подготовке той кровавой драмы, которой 24—26 мая закончилась судьба взятых Парижской коммуной в начале апреля заложников. К истории этих заложников мы сейчас и переходим

VII. РАССТРЕЛ ЗАЛОЖНИКОВ

Почти одновременно с декретом об отделении церкви от государства Парижская коммуна, в качестве меры предупреждения, произвела арест главарей католического духовенства — парижского архиепископа Дарбуа и его главного викария Лагарда. Арест этот был произведен 4 апреля в силу приказа делегата при бывшей полицейской префектуре Рауля Риго от того же числа, подробности его будут изложены ниже.

Арест Дарбуа и Лагарда остался бы, по всей вероятности, изолированным мероприятием, если бы вечером того же дня, 4 апреля, в Париже не было получено известие о произведенном утром этого дня расстреле версальцами попавших к ним в плен члена Коммуны, бланкиста Дюваля и двух сопровождавших его офицеров. Если принять во внимание, что только накануне, 3 апреля, версальцами был расстрелян другой член Коммуны, также бланкист, Флуранс, то легко себе представить впечатление, произведенное в Париже этим варварским актом версальских контрреволюционеров. Результатом этого впечатления явился декрет 5 апреля о заложниках.

История принятия Парижской коммуной декрета о заложниках явствует из нижеследующего отрывка из официального протокола заседания 5 апреля:

«... Гражданин Шардон⁴⁸ оглашает письмо, извещающее о расстреле версальцами гражданина Дюваля, генерала Коммуны.

«Гражданин Делеклюз вносит проект следующего декрета:

«Принимая во внимание, что версальское правительство открыто попирает как законы войны, так и законы гуманности;

«Что оно повинно в ужасах, которыми не запятнали себя даже иностранные завоеватели;

«Что на представителях Коммуны лежит священный долг защищать честь и жизнь двух миллионов жителей, вручивших им свою судьбу, и необходимо теперь же принять все меры, которых требует создавшееся положение;

«Что, с другой стороны, как политические деятели, представители городской власти должны согласовать общее благо с уважением к общественной свободе;

«Парижская коммуна постановляет:

«Ст. 1. Всякое лицо, уличенное в сообщничестве с версальским правительством, немедленно привлекается к ответственности и подлежит аресту.

⁴⁸ Бланкист.

«Ст. 2. Не позднее 24 часов созывается обвинительное жюри для разбора поступающих на его рассмотрение дел.

«Ст. 3. Жюри произносит свой приговор не позднее 48 часов.

«Ст. 4. Обвиняемые, задержанные по приговору обвинительного жюри, об являются заложниками парижского народа.

«Ст. 6. Каждый военнопленный передается обвинительному жюри, которое и решает, задержать ли его в качестве заложника или немедленно отпустить на волю».

«После того, как гражданин Делеклюз требует признания вопроса спешным, Коммуна единогласно принимает проект декрета».

Несравненно подробнее и живее, нежели в этом официальном протоколе, излагается история заседания 5 апреля в книге бланкистского журналиста Коммуны Максима Вильома «Две драмы». В частности, Вильом излагает рассказ об этом заседании члена Коммуны, бланкиста Прото, занимавшего в это время должность делегата юстиции. Приводим соответствующий отрывок из книги Вильома:

«Во вторник, 4 апреля,—сказал мне Прото, бывший в это время делегатом юстиции,—мы заседали уже с полчаса и было около 10 часов вечера, когда вошел Шардон. Он был одет в форму полковника. Член Коммуны от XIII округа, Шардон сопровождал батальоны федератов, пытавшихся добраться до Версаля через шатильонское плато. Совершенно вне себя, весь в слезах, Шардон сообщил, что утром того же дня по приказу генерала Винуа был расстрелян Дюваль. Подробности казни в Пти-Бисетре Дюваля и двух офицеров его штаба были сообщены Шардону пленным, которому, неизвестно каким образом, удалось бежать.

«Тотчас же раздаются возгласы негодования и гнева. Все вскакивают со своих мест.

«Мы должны отомстить! Мы должны, в отместку, также начать расстреливать!»

«Вносятся самые грозные предложения. Риге требует, чтобы расстреляли архиепископа, арестованного еще накануне и в настоящее время заключенного в тюрьму Мазас. Он требует также, чтобы расстреляли арестованных одновременно с ним священников и иезуитов. «Нужно открыть тюрьмы народу, который сам совершит правосудие»—восклицает кто-то. Шум и негодование достигают апогея.

«Я прошу слова. Лишь с величайшим трудом мне удастся добиться относительной тишины. Я говорю Коммуне о той огромной ответственности, которую она возьмет на себя, если ей не удастся противостоять тому потоку насилия, в сторону которого ее увлекают. «На убийства,—говорю я,—не отвечают убийствами. Мы не должны нарушать международного права. Надо действовать легально».

«Зала страшно возбуждена. «Значит,—кричит мне Растуль,—нас будут продолжать убивать, а мы будем придерживаться легальности?» «Нет,—отвечаю я ему,—можно быть страшными для врагов, оставаясь вместе с тем справедливыми и гуманными... Кроме того, в тюрьмах сидят не одни только враги Коммуны. Там есть люди, на которых поступили доносы, но которые могут оказаться невинными. Что мы должны сделать, так это принять за-

«Ст. 5. Всякая казнь военнопленного или сторонника законного правительства Парижской Коммуны будет иметь своим немедленным следствием казнь тройного числа заложников, задержанных согласно ст. 4 и избранных по жребью.

конное постановление: составить, обсудить и одобрить, если он, покажется нам подходящим, предложение, устанавливающее систему репрессий, не выходящую однако из рамок законности».

«Мои коллеги выслушали меня, почти не прерывая. Некоторые стали открыто на мою сторону. «Прото нашел правильный выход»,—заявил Лефрансэ. Делеклюз встает с места, подходит ко мне и обнимает меня. «Мы должны,—говорит Делеклюз,—пору-

чить гражданину Прото, нашему делегату юстиции и наиболее среди нас компетентному в вопросах права, составить проект декрета, который он предложит нам в ближайшем заседании. Дабы ускорить это дело, я предлагаю закрыть сейчас заседание, а следующее назначить на 1 час ночи... У гражданина Прото будет достаточно времени, чтобы составить проект. Мы полностью полагаемся на него».

«Заседание закрывается среди величайшего возбуждения.

«На площади Ратуши меня догоняют мои друзья Брикон, Фонтэн, Дезескель, ждавшие моего выхода с заседания. Я быстро излагаю им положение вещей. Все четверо, мы направляемся в сторону Рынка, чтобы закусить. По дороге я обдумываю свой проект. Когда мы вошли в ресторан «Спокойный Отец», его редакция была у меня уже готова. Пока мои друзья закусывали, я набросал декрет в том самом виде, в каком он на следующий день был напечатан в «Официальной газете». В рукописи не было ни одной поправки.

«Мы возвратились в Ратушу. Войдя в зал, я тотчас же передал мой проект председателю. Было около 2-х часов ночи. Председатель прочитал его очень многочисленному собранию, сохранявшему в это время полное спокойствие. Проект был единогласно одобрен. Находящийся в музее Карнавалэ протокол Коммуны ошибается, когда гласит, что проект был представлен Делеклюзом. Он допускает также другую ошибку, утверждая, что Шардон огласил письмо, извещающее о смерти Дюваля. Шардон гозорил, но не читал никакого письма. Он говорил весь в слезах, и было ужасное зрелище, когда этот колосс, в форме полковника и в красной перевязи, плакал точно ребенок, сообщая нам о смерти одного из наиболее героических борцов нашей революции.

«Вот каким образом был составлен и принят декрет о заложниках».

Принятый в заседании 5 апреля декрет был на следующий день опубликован в «Официальной газете» вместе со следующим воззванием Парижской коммуны:

«Граждане!

«Версальские бандиты ежедневно убивают наших пленных; каждый час приносит нам известия о новых убийствах.

«Вы знаете виновников этих расстрелов: это жандармы и полицейские агенты империи, это—роялисты Шаретта и Кателино, вдущие на Париж с криками: «да здравствует король!»

«Версальское правительство ставит себя вне законов войны и гуманности, поэтому и мы будем вынуждены прибегнуть к репрессиям.

«Если наши враги будут продолжать пренебрегать обычаями войны, существующими между цивилизованными народами, и умертвят еще хоть одного нашего солдата, мы ответим им казнью соответствующего или двойного числа пленных.

«Всегда великодушный и справедливый даже в порывах гнева, народ питает отвращение к кровопролитию, как и к гражданской войне, но его долг принять меры самозащиты против варварских поступков своих врагов и, чего бы это ему ни стоило, бодать око за око и зуб за зуб.

«П а р и ж с к а я к о м м у н а»

«Париж, 5 апреля 1871 г.

Всего за все время существования Парижской коммуны в качестве заложников было арестовано 260 человек. Наряду с видными представителями чиновничества и крупной буржуазии (напр., бывший председатель кассационного суда Бонжан и бакажир Жеккер), а также бывшими жандармами, полицейскими и т. п., было арестовано также и значительное количество священников. Кроме уже ранее арестованных Дарбуа и Лагарда, были посажены под замок кюре церкви св. Мардалины Дегерри, амьенский протонотарий де Сюра, генерал иезуитского ордена священники церквей св. Августина, св. Филиппа Рульского и т. д.

Некоторые подробности об этих арестах сообщаются в следующей статье, напечатанной в № 8 газеты «Социальная революция» от 7 апреля 1871 г.

«Арест священников»

«Важные аресты, произведенные в последние два дня по распоряжению Комитета общественной безопасности среди священников, вызвали очень значительные разговоры. Но циркулирующие по этому поводу среди публики слухи настолько противоречивы, что, исходя из них, было бы невозможно составить себе точное представление о происшедшем.

«Большинство газет⁴⁰, поместивших заметки об этих фактах, были не только плохо осведомлены, но и их сознательно извратили. В силу этого рассказ их неточен, а выводы неправильны.

«В нашем распоряжении находятся точные данные о происшедшем, дающие нам полную возможность удовлетворить любопытство наших читателей. Мы бы их непременно опубликовали, если бы только важность выставленных обвинений и необходимость продолжения начатого следствия не налагали на нас необходимости сохранения почти полного молчания.

«Укажем только, что вот уже неделя, как внимание Комитета общественной безопасности обращено на присутствие в Париже опытных и прекрасно осведомленных шпионов, состоящих на службе наших врагов. Их тщетно искали и уже почти потеряли надежду найти, когда одно случайное обстоятельство навело на след сначала одного, а затем и еще нескольких монахов. То, что было при этом выяснено, пролило полный свет не только на то, чем искали, но также и на то, о чем до сих пор никто не подозревал.

«Из данных, имеющих в настоящее время в распоряжении делегата при бывшей полицейской префектуре, явствует, что уже в течение продолжительного времени парижское высшее духовенство не только предавало национальное дело ради дела церкви и жертвовало интересами Парижа ради интересов Рима, но и что

⁴⁰ Речь идет о буржуазных газетах, которые в это время еще не были открыты.

но самым возмутительным образом изменяло Франции и всеми силами помогало завоевателям в их борьбе против отечества.

«В течение всего времени осады Парижа и особенно после того, как было получено известие о захвате Рима итальянским королевством⁵⁰ церковники всех рангов и всех мастей, по распоряжению Трошю свободно и бесперывно обращавшиеся между нашими и прусскими передовыми линиями, являлись активнейшими агентами противника и сообщали враждебному штабу обо всех известных им данных военного характера.

«Как известно, этот поток священников, монахов и прочих церковников, подобно чуме вдруг обрушившийся на наши передовые линии, вызвал в свое время всеобщее беспокойство. Свобода передвижения, предоставленная всем этим чернорясникам, казалась чрезвычайно подозрительной и многие из имевших место несчастий приписывались молвой их присутствию.

«Трошю не только предлагали принять меры предосторожности, но ему были сообщены даже совершенно конкретные факты, подтвержденные вескими доказательствами. Но он не обратил на это никакого внимания и не пожелал принять никаких предупредительных мер.

«Было ли это просто излишней беззаботностью, или же полученное г. Трошю воспитание богобоязненного христианина и мистического солдата, а равно и его чисто шуанская⁵¹ ненависть к городу Революции, привели его к мысли, что спасти церковь важнее, чем защитить Париж?

«Этого мы не знаем, но что не подлежит никакому сомнению, это то, что, прекрасно зная, какого рода услуги оказывают врагу находящиеся в рядах армии церковники, Трошю неизменно настаивал на сохранении этой прусской шпионской организации, о деятельности которой у него не могло быть никаких иллюзий.

«Совершенно иначе подошел к этому делу Комитет общественной безопасности. Он прекрасно понял, что Революции противостоит ее старый враг—церковь и что в основе всех интриг лежат не мелкие денежные интересы, а вечный заговор людей прошлого против людей будущего.

«В Риме прекрасно понимают, что для защитников средневековья наступил кригический момент. В Риме знают, что центром борьбы является Париж и что потому именно в Париже важнее всего победить. Именно на развалинах Парижа мечтает Рим водрузить свой триумфальный крест и затянуть свои благодарственный *Te Deum*.

«Члены Комиссии прекрасно учитывают это положение. Поэтому, как только в их руках оказались доказательства предательской роли парижского духовенства во время войны, все их подо-

⁵⁰ Рим, до того составлявший центр самостоятельной папской области, был занят войсками итальянского королевства 20 сент. 1870 г.

⁵¹ Шуан—прозвище, под которым в эпоху Великой французской революции были известны сторонники вандейского контрреволюционного движения.

зрения касательно наличности в Париже шпионской организации оказались естественно направленными на людей, уже изобличенных в аналогичных преступлениях.

«Таковы соображения, определившие арест нескольких видных представителей парижской церковной иерархии.

Первым был арестован в своем особняке, на улице Гренель третьего дня, в 4 часа пополудни, господин Дарбуа, епископ римского папы и сенатор Бонапарта. Его дом был окружен еще накануне и лишь после долгих поисков удалось найти спрятавшегося архиепископа.

«Доставленный в префектуру, он прежде всего пожелал видеть другого священника—кюре в Плезансе, незадолго до того арестованного по причине нахождения в подвале его церкви двух трупов. Затем он был препровожден в кабинет гражданского делегата, гражданина Риго, который со свойственным ему ледяным спокойствием приступил к допросу арестованного.

«В начале г. Дарбуа пытался разыгрывать роль доброго апостола. Он подымал глаза к небу и обращался ко всем присутствующим:

«Дети мои!».

«Гражданин Риго его тотчас же прервал замечанием, что он находится не перед детьми, а перед должностными лицами. Г. Дарбуа пришлось принять это к сведению⁵².

«Почти одновременно или немного спустя Комиссия арестовала также г. Дегерри, кюре церкви св. Магдалины, генерала иезуитского ордена, несколько человек из здания на улицы Почты и кюре из церкви св. Северина⁵³.

«Найденные у г. Дегерри бумаги чрезвычайной важности не оставляют никакого сомнения в связи, существовавшей между парижским духовенством и мятежным правительством Версаля.

«При аресте г. Дегерри имел местно следующий комический инцидент. Полицейский комиссар, гражданин Бридо, рассматривая какую-то бумагу, рассмеялся и неожиданно воскликнул: «О, если бы об этом знал Отец Дюшен!»

⁵² Уже цитировавшийся нами Апри Рошфор приводит в своих воспоминаниях следующие дополнительные подробности о допросе Дарбуа:

— «Ваша профессия?»—спрашивает Риго.

— «Служитель бога».

— «Секретарь, запишите: Дарбуа, лакей некоего г. бога».

— «Где проживает ваш хозяин?»

— «Он находится повсюду».

— «Секретарь, запишите, что, по собственному признанию обвиняемого, его возлюбленная находится в состоянии постоянного бродяжничества».

«Рауди Риго часто обвиняли в этих неуместных и даже мрачных шутках. Но ведь положить им предел зависело не от кого иного, как от самого версальского правительства».

(Henri Rochefort. Les aventures de ma vie, t. III, p. 19).

⁵³ Некоторые дополнительные подробности о проходе духовных в эти дни арестах священников содержится в №№ 8 и 10 газеты „Горы“ от 10 и 12 апреля. «Большое число парижских священников подвергнуты аресту, начиная со

«При этих словах г. Дегерри проявил забавный испуг, который прекратился лишь тогда, когда его уверили, что «Отец Дюшен» не имеет никакого отношения к постигшей его неприятности.

«В настоящее время все арестованные находятся под стражей. С ними обращаются с величайшим вниманием, но вместе с тем подвергают их строжайшей изоляции и бдительному надзору».

Декрет 5 апреля о заложниках и произведенные в связи с ним аресты немедленно дали ожидаемые Коммуной результаты—прекращение (правда, лишь временное, до середины мая) версальских зверств. В силу этого в последовавшие затем недели не могло быть речи о применении предусмотренных в декрете 5 апреля санкций, и если вопрос о заложниках и продолжал некоторое время стоять в порядке дня, то уже в иной связи—в связи с затеянными Коммуной переговорами об их обмене на арестованного версальцами Бланки.

Подробное изложение хода этих переговоров дано в статье Максима Вильома «Страничка истории», напечатанной 27 апреля 1871 г. в «Официальной газете». Приводим соответствующую часть этой статьи.

«Революция 18 марта совершилась. Версальское правительство обратилось в бегство, бросив все на произвол судьбы. Оно надеялось скоро возвратиться, в несколько дней справившись с «кучкой заговорщиков». Но на этот раз, едва ли не впервые в истории, «заговорщики» оказались победителями. Версалью до сих пор так и не удалось справиться с восставшим Парижем.

«Через несколько дней после 18 марта Коммуна, нуждаясь в сосредоточении всех своих сил и стремясь обезоружить оставленных свергнутым правительством в Париже заговорщиков, подвергла аресту и заточила в тюрьму Мазас, где они до сих пор и находятся, ряд высших должностных лиц, не без основания подозреваемых в сношениях с неприятелем. К числу их принадлежат: парижский архиепископ Дарбуа, его главный викарий Лагард, кюре церкви св. Магдалины Дегерри, бывший председатель сената Бонжан и т. д. и т. д.

«Вчерашний день»—читаем мы в № 8. Среди них, между прочим, находятся апостольский протоиерей, г. де Сюра и кюре церквей св. Августина, св. Филиппа Рульского и св. тронны.

«По поводу этих арестов газета „Освобожденный“ сообщает:

«Арестованный несколько дней тому назад кюре церкви св. Северина обвиняется в том, что через посредство своего племянника поддерживал связь с Версалем. Он сам признает, что его племянник, действительно отправившийся в Версаль, зашел в подкладку своего пальто какие-то бумаги. Однако, он, по его словам, не имел к этому делу никакого отношения».

А в № 10 „Горы“ мы читаем:

«Позавчера национальные гвардейцы арестовали викария г. Дарбуа, до сих пор скрывавшегося от всех розысков. При этом произошел следующий комический инцидент; чтобы укрыться от преследований, викарий нацепил себе громадные усы, но во время ареста усы неожиданно овалились».

Арестованный викарий был сначала доставлен в мерию I округа, а оттуда уже переведен в префектуру.

«Почти одновременно с этим, а именно 19-го марта, агенты правительства г. Тьера, как бы в ответ и в отместку за восстание 18 марта, арестовали в небольшом городке гражданина Бланки. Арест был мотивирован заочно-состоявшимся о нем смертным приговором за дело 31 октября.

«Бланки, находившийся в едва ли не безнадежном состоянии, был отправлен в тюрьму Фижак. Начиная со дня его ареста, никто, не исключая его друзей и ближайших родственников, не мог получить о нем никаких известий. Версальское правительство приняло самые тщательные меры, чтобы место его заточения держалось в величайшем секрете.

«Когда Бланки, голосованием 26 марта, был послан в ратушу, Коммуна почувствовала, насколько необходимым для нее является

присутствие в ее среде человека, политическую дальновидность которого все ее члены, начиная с 4 сентября, имели не раз случай оценить. Она поняла, что, лишившись Бланки, она по своей вине потеряет своего, может быть, наиболее авторитетного члена.

«Тогда личные друзья Бланки, в полном согласии с некоторыми членами Коммуны, предприняли шаги, имевшие целью добиться от версальского правительства освобождения Бланки в обмен на других арестованных.

«Гражданин Флотт⁵⁴, старый товарищ Бланки по тюрьме и его давнишний друг, взял на себя эту трудную миссию. Он решил отправиться к содержащемуся в тюрьме Мазас архиепископу Дарбуа и наметить вместе с ним основы возможного обмена. Гражданин Рауль Риго, делегат при бывшей полицейской префектуре, вручил ему нижеследующий пропуск, находящийся в настоящее время перед нами, так же, как и все публикуемые в дальнейшем документы:

⁵⁴ Бенжамен Флотт, старый друг Бланки, вместе с ним осужденный за восстание 15 мая 1848 г. В эпоху Коммуны Флотт, отсидя от революционного движения, сохранил, однако, личные связи с бланкистами.

«Французская республика.

«Полицейская префектура.

«Кабинет Генерального секретаря.

«Париж, 14⁵⁵ апреля 1871 г.

«Начальнику тюрьмы Мазас.

«Предоставьте гражданину Флотту возможность переговорить с главным викарием Лагардом и парижским архиепископом Дарбуа.

«Делегат при б. полицейской префектуре

«(подп.) Рауль Риго.

«Личный пропуск, действительный без срока и в любое время».

«Снабженный этим пропуском, гражданин Флотт отправился в камеру архиепископа Дарбуа и изложил ему причину своего посещения. Архиепископ, в качестве посредника перед г. Тьером, предложил аббата Дегерри, кюре церкви св. Магдалены.

«В виду некоторых возражений, сделанных гражданину Флотту гражданином Риго, отправиться в Версаль было поручено не Дегерри, а главному викарию архиепископа—Лагарду.

«Гражданин Риго распорядился предоставить Лагарду возможность увидеться с Дарбуа, но обязательно в присутствии Флотта. Но Флотт, в силу своего личного опыта хорошо знавший, что значит пребывание в тюрьме, и движимый вполне понятным чувством неловкости, удалился и оставил их наедине друг с другом.

«Утром 12 числа Флотт явился к Лагарду и принес ему приказ об его освобождении из тюрьмы, а равно и пропуск, позволяющий свободно достигнуть Версаля. Флотт предложил Лагарду поклясться, что он возвратится даже и в том случае, если его миссия не даст никаких результатов. Лагард исполнил это.

«Я вернусь,—заявил он—даже если буду знать, что меня ждет расстрел. Да кроме того, неужели вы хоть на минуту допускаете мысль, что я могу оставить здесь монсиньора одного?»

«Флотт лично проводил Лагарда на вокзал. Перед тем, как он сел в поезд, который должен был доставить его в Версаль, Флотт предложил ему еще раз возобновить данное им слово. «Если вы не собираетесь возвратиться, то лучше оставайтесь», сказал он ему. Лагард поклялся, что он вернется.

«Он повез с собой нижеследующее письмо от архиепископа Дарбуа к г. Тьеру:

«Тюрьма Мазас

«12 апреля 1871 г.

⁵⁵ Так в тексте. Повидимому, это опечатка и следует читать 11 апреля.

«Господин президент!

«Имею честь уведомить Вас о сообщении, сделанном мне вчера вечером, и прошу Вас поступить так, как Вам подскажет Ваша мудрость и человеколюбие.

«Влиятельный человек, тесно связанный с г. Бланки общностью политических взглядов и питающий к нему чувство старой и прочной дружбы, усиленно хлопочет о возвращении ему свободы. С этой целью он сделал соответствующим комиссарам следующее предложение: если г. Бланки выпустят из тюрьмы, то будут освобождены парижский архиепископ и его сестра, г. председатель Бонжан, кюре церкви св. Магдалины г. Дегерри и главный парижский vikарий г. Лагард, тот самый, что вручит Вам настоящее письмо. Предложение это было принято и меня просили поддержать его перед Вами.

«Несмотря на мою причастность к этому делу, я позволяю себе обратить на него Ваше благосклонное внимание. Мотивы, по которым я это делаю, покажутся Вам, я надеюсь, вполне благовидными.

«Среди нас накопилось слишком много причин для раздоров и раздражения, и раз представляется случай для соглашения, касающегося, впрочем, только лиц, но не принципов, то не будет ли благоразумным воспользоваться им и способствовать, таким образом, успокоению умов? Общественное мнение не поймет, быть может, причин отказа.

«Среди переживаемого нами острого кризиса, репрессии и экзекуции за мятежные деяния, даже если им подвергаются два или три человека, усиливают ужас одних и гнев других и осложняют положение. Позвольте Вам сказать, не вдаваясь в подробности, что, при настоящем положении вещей в Париже, этот вопрос человеколюбия заслуживает Вашего полного внимания.

«Наконец, господин президент, разрешите мне привести Вам мой последний довод. Тронутый тем рвением, с каким лицо, о котором я говорю, проявляло свою столь искреннюю дружбу к г. Бланки, мое сердце человека и священнослужителя не могло устоять против его трогательных просьб и я обещал ходатайствовать перед Вами об освобождении г. Бланки в самый ближайший срок, что я и делаю.

«Я буду счастлив, господин президент, если то, о чем я Вас прошу, не покажется Вам невозможным; я оказал бы тем самым услугу многим людям и даже всей моей родине.

«Ж. Д а р б у а,

«архиепископ парижский».

«Г-ну Тьеру, главе исполнительной власти».

«Итак, Лагард отправился в Версаль 12 апреля. Проходят пять дней, в течение коих от него нет никаких известий. Наконец, 17-го Флотт получает следующее письмо:

«Версаль, 15 апреля 1871 г.

«Господин Флотт!

«Я написал монсеньору архиепископу, по адресу начальника Мазаской тюрьмы, письмо, которое, я надеюсь, будет ему передано и, без сомнения, Вам сообщено. Но, согласно данному мне Вами разрешению, я считаю необходимым написать Вам непосредственно, чтобы довести до Вашего сведения о новой задержке в нашем деле. Я говорил уже четыре раза с лицом, к которому было адресовано письмо архиепископа, и мне придется, согласно его приказанию, ждать окончательного ответа еще два дня. Каков будет этот ответ? По этому поводу я могу сказать Вам лишь одно: я не пренебрегаю ничем, чтобы ответ этот соответствовал Вашим и нашим намерениям.

«Во время первого свидания у меня явилась надежда, что оно и будет и что я очень скоро возвращусь с хорошими вестями. Я, правда, натолкнулся на кое-какие затруднения, но, вместе с тем, встретил благожелательное отношение. К несчастью, напечатанное в газете «Освобожденный» (L'Affranchi) письмо, попавшее сюда после того, как мое послание уже было вручено, изменило настроение.

«Состоялся совет, постановивший отложить решение вопроса. Дай бог, чтобы мне удалось, наконец, добиться успеха. Вы можете не сомневаться ни в моем рвении, ни в моих желаниях. Позвольте мне к этому добавить, что в этом серьезном деле, столь Вас интересующем и так близко меня касающемся, я буду счастлив доказать Вам, и притом не только на словах, ту благодарность, которую вызвали во мне Ваш поступок и Ваши чувства. Что бы ни случилось и каковы бы ни были результаты моей поездки, я сохраняю, поверьте мне, наилучшие воспоминания о нашей встрече.

«Не откажите, при случае, передать мой привет сопровождавшему Вас другу и примите еще раз уверение в моем уважении и преданности.

«Э.-Ж. Лагард».

«Письмо было датировано 15 апреля. Г. Тьер просил Лагарда отложить свой отъезд на два дня. Только 18-го, не без основания обеспокоенный, Флотт отправился к архиепископу и выразил ему свое неудовольствие по поводу поведения главного vikария. Лагард не возвращался и налицо имелось достаточно оснований заподозрить, что он решил остаться в Версале и, используя оказанное ему доверие, нарушить данное им слово, несколько заботясь о том, что могло вследствие этого произойти.

«Архиепископ выразил свое удивление по поводу опоздания Лагарда. «Не может быть»—заявил он Флотту—«чтобы он остался в Версале. Он вернется, он мне в этом поклялся».

«Флотт выразил архиепископу желание получить собственноручно написанную им записку, которую он лично отвезет Лагарду. Тогда г. Дарбуа вручил Флотту следующее письмо:

«Парижский архиепископ—своему главному викарию. г. Лагарду.

«Г. Флотт, обеспокоенный происшедшей, повидимому, задержкой с возвращением г. Лагарда и желая снять с себя обвинение в нарушении данного им Коммуне обещания, отправляется в Версаль с намерением выразить посреднику свое негодование.

«Я могу только просить г. главного викария ознакомить г. Флотта с точным положением вопроса и договориться с ним либо о продолжении своего пребывания в Версале еще на 24 часа, если это абсолютно необходимо, либо, если это будет сочтено более подходящим, о немедленном возвращении в Париж.

«Тюрьма Мазас, 19 апреля 1871 г.

«Ж....., архиепископ парижский».

«Но г. Флотт не отправился в Версаль. Его друзья указали ему на ту опасность, которой он подвергся бы там, как друг Бланки и его товарищ по борьбе и тюремному заключению.

«Вместо него туда было послано другое верное лицо, которое отправилось 19 апреля и вручило Лагарду письмо архиепископа

«Лагард удовлетворился тем, что просил передать Флотту нижеследующую записку, наспех набросанную карандашом на клочке бумаги (записка эта, как и все остальные документы, находится у нас в руках):

«Г. Тьер все еще задерживает меня здесь и, как я уже неоднократно писал монсеньору, я вынужден ждать его распоряжений. Как только будет что-нибудь новое, я об этом немедленно напишу.

«Лагард».

«Итак, было совершенно ясно, что Лагард отказывается возвратиться в Париж. Данное им слово он ставил ни во что.

«Что касается до Бланки и обмена заключенных, то об этом Лагард, повидимому, заботился меньше всего. Этот человек точно так же не боялся оставить в наших руках своих личных друзей и своего архиепископа, которые, вследствие его измены, должны были отвечать, как заложники. Полное деликатности и достоинства поведение гражданина Флотта показало ему, что в наших руках заложники подвергаются только одной опасности: горьким упрекам со стороны тех, кого так недостойно обманули.

«С этого момента все было кончено и нечего было больше думать о Лагарде.

«Мы изложили всю эту историю со всеми возможными подробностями для того, чтобы все знали ту степень доверия, которую мы оказываем нашим врагам, чтобы все признали, что теперь как и всегда, честь, деликатность и уважение к клятвам находятся на стороне Революции, а не тех, кто против нее сражаются и не стесняются в случае нужды использовать во зло наше легкомыслие».

«Максим Вильом».

«Настоящая статья была закончена два дня тому назад. Несмотря на все, мы колебались с ее напечатанием, ибо все еще продолжали надеяться на возвращение, хотя и запоздалое, Лагарда.

«Нас только что посетил гражданин Флотт. Он сообщил нам о записке г. Дарбуа, написанной в воскресенье 23 апреля и переданной послу Соединенных штатов г. Уошберну, который взялся вручить и действительно вручил ее на следующий день г. Лагарду. Вот ее текст, который мы, если не ошибаемся, воспроизводим дословно:

«По получении этого письма и в каком бы состоянии ни находились порученные ему переговоры, г. Лагард соблаговолит немедленно возвратиться в Париж и явиться в Мазас. Совершенно невероятно, чтобы десяти дней было недостаточно для правительства, которому нужно только решить, согласно оно или нет на предложенный обмен. Это опоздание нас сильно компрометирует и может иметь самые печальные последствия.

«Мазас, 23 апреля 1871 г.

«Ж....., архиепископ».

«В течение всего этого дела, за всеми перипетиями которого мы имели возможность следить, г. Дарбуа всегда казался нам вполне искренним и мы считаем себя вправе утверждать, что один только Лагард нарушил данное им слово.

«Последнее известие от г. Дарбуа еще больше подтверждает наше впечатление. Наша непредубежденность заставляет нас отметить это обстоятельство, устанавливающее его невинность в нарушении данной им клятвы.

«М. В.»

Предательство Лагарда не означало, однако, конца переговоров. В начале мая Дарбуа, через посредство американского посла Уошберна, пересылает Тьеру докладную записку, в которой говорится:

«Но имея точных сведений, мы можем предположить, что правительство, согласившись на предложенный обмен, боится, как бы не создалось впечатление, будто оно вступило в переговоры с Коммуной; возможно также, что оно считает освобождение Бланки опасным, принимая во внимание нынешнее возбуждение масс. Ввиду вышесказанного лица, заинтересованные как в Бланки, так и архиепископе, выражают живейшее желание указать мудрости человеколюбию г. Тьера на нижеследующие соображения, причем ни полагают, что их доводы будут иметь гораздо больший вес, если они будут представлены г. Тьеру его превосходительством, полком Соединенных штатов.

«Сущность вопроса заключается не в отношениях между правительством и Коммуной и не в вышепоименованных лицах. Эти последние решили, что архиепископ и четверо или пятеро других рестованных, выбранных г. Тьером, могут быть отправлены в

Версаль, если будет существовать уверенность, что Бланки будет освобожден. Эта уверенность должна быть обеспечена словом посла Соединенных штатов, с согласия и разрешения на то г. Тьера.

«Что касается освобождения Бланки, то не представляется ли возможным, вместо официального на то приказа, осуществить его путем предоставления заключенному возможности бежать, причем обе стороны условятся, что беглец не будет снова арестован, если только не совершит нового преступления. Таким образом, правительству не придется иметь никакого дела с Коммуной, а лицо постороннее и не имеющее с ней ничего общего получит от г. Уошберна необходимую гарантию. Таким путем все могло бы быть улажено.

«Освобождение Бланки не представляет никакой серьезной опасности даже при настоящем положении вещей.

«Сопротивление Парижа носит чисто военный характер и присутствие в нем Бланки не может его изменить».

К этой записке было приложено письмо Дарбуа к Тьеру с просьбой предоставить аудиенцию Флотту и выслушать его предложения.

Первое свидание Флотта с Тьером состоялось 13 мая. Вот что рассказывает о нем сам Флотт:

«Если Коммуна решится на казнь заложников, — заявил Тьер, — она совершит чудовищное дело.

— «От вас, г. Тьер, зависит, чтобы этого не случилось.

— «Прекрасно; но скажите мне причину, заставляющую Вас думать, что жизнь монсиньора подвергается опасности.

— «Бесчеловечное поведение версальских генералов по отношению к борцам Коммуны.

«Г. Тьер кинул на меня быстрый взгляд и сказал:

— «Вопрос обо мне обсуждался в Совете. Я могу, с согласия Совета генералов, сделать очень много, но без их разрешения — ничего. Я не знаю Бланки; говорят, что он умен и очень опасен; он принадлежит к крайней революционной партии.

«Это первое свидание длилось более часа».

Следующее свидание состоялось на другой день, 14 мая. «Как только я вошел, — рассказывает Флотт, — Тьер заявил мне, что обмен не возможен, так как возвращение Бланки в лагерь восставших было бы равносильно посылке им на помощь силы, равной целому армейскому корпусу; но он уполномочивал меня передать архиепископу, что все может измениться со дня на день, и что он ничего решительно не позабудет, чтобы вывести его из того печального положения, в котором он находится.

Все это были, конечно, пустые обещания. Я заметил Тьеру, что в Мазасе находились, помимо архиепископа, еще и другие арестованные, и что, если он подпишет немедленно приказ об освобождении Бланки, то Коммуна возвратит свободу всем заключенным.

«Тьер ответил новым отказом.

— «Хорошо, — сказал я ему, — дайте только слово, что вы подпишете приказ об освобождении Бланки, и завтра же взятые нами 74 заложника будут доставлены сюда.

«Тьер снова ответил отказом.

«При виде этой непоколебимой решимости мне ничего не оставалось, как удалиться»⁵⁶.

Кроме устроенной беседы Флотта с Тьером, была и другая попытка добиться через посредство иностранных послов согласия версальского правительства на предложенный ему обмен заложников на Бланки. Об этой попытке российский посол в Париже фон-Штакельберг доносит российскому министерству иностранных дел в своем письме от 23 апреля 1871 г.:

№ 66.

«Версаль, 11/23 апреля 1871 г.

(Через английского курьера).

Считаю долгом известить императорское министерство о прошении аббата Перона, первого священника военного госпиталя в Бисетре, которое я только что получил и текст которого прилагаю. Аббат Перон желал бы, чтобы представители России, Англии и Австрии сделали необходимые шаги перед Парижской Коммуной в целях добиться освобождения архиепископа, которого повстанцы держат, как заложника.

«Это же прошение послано было несколько дней тому назад лорду Ляйонсу⁵⁷ и графу Майосу, австрийскому уполномоченному.

«Английский посланник передал это прошение лорду Гранвиллю⁵⁸. Тот поручил ему известить аббата Перона, что английское правительство, не имея никакого отношения к Коммуне, не может сделать нужных шагов в пользу монсиньора Дарбуа — шагов, которые, к тому же, могут оказаться бесплодными.

«Вместе с парижским архиепископом повстанцы арестовали и содержат в тюрьме, как заложников, около 60 священников, большей частью парижских кюре. Со времени своего ареста монсиньор Дарбуа послал два письма Тьеру. В первом, которое было опубликовано в газетах так же, как и ответ на него главы исполнительной власти, архиепископ говорит о дурном обращении с пленными повстанцами, на которое жалуются члены Коммуны. Во втором письме, которое не было опубликовано, прелат просит, чтобы освободили Бланки, что этой ценой можно добиться его собственного освобождения».

«Эти два письма, написанные, очевидно, под давлением повстанческих главарей, произвели тяжелое впечатление на Правительство, которое, хотя и принимает во внимание опасности, кото-

⁵⁶ А. Зеваэс — Огюст Бланки, стр. 77—78.

⁵⁷ Английский посол в Париже.

⁵⁸ Английский министр иностранных дел.

рым подвергается монсеньор Дарбуа, обвиняет его все-таки в слабости характера. В освобождении Бланки было отказано»⁵⁹.

Причины упорства Тьера были совершенно ясны: он не только не опасался возможности расстрела Дарбуа, но этот расстрел, напротив того, целиком входил в его виды. Подобно тому, как смерть архиепископа Аффра на одной из пюньских баррикад 1848 г. усилила силы генерала Кавеньяга, готовив на его сторону широкие слои клерикально-настроенной парижской мелко буржуазии, и Тьер не без основания полагал, что расстрел Дарбуа только усилит ненависть реакционной деревенщины к революционному Парижу. Что же касается до клерикальных кругов под влиянием которых Тьер в эту эпоху целиком находился, то у них была своя причина недолюбливать парижского архиепископа. В то время как большинство этих кругов стояло на точке зрения так называемого ультрамонтанства (т. е. полной зависимости церкви от римского папы), Дарбуа был, напротив того, убежденным галликанцем, т. е. сторонником автономии французской церкви.

Наличие этой причины была указана самим Дарбуа в одном его разговоре с Флоттом, о котором рассказывает в своих мемуарах уже цитировавшийся нами Вильом.

«Поверьте мне,—говорил он Флотту, рассказавшему мне об этом в тот же вечер, после одного из своих посещения Мазаса — поверьте мне. Вы ничего не добьетесь у Тьера. Помочь спасти мне! Но вы не знаете, вы не можете знать, какой ненавистью преследуют меня даже здесь, в тюрьме, с кем я боролся всю жизнь!»⁶⁰

Несмотря на явную провокацию версальского правительства в отношении Дарбуа, как он, так и прочие заложники не подвергались никакой опасности до середины мая, когда версальцы, в предвидении близкого разгрома Коммуны и своего победоносного вступления в Париж⁶¹, снова принялись за расстрелы без суда попавших к ним в руки коммунаров. Результатом этого было то, что на заседании Парижской коммуны 17 мая оказался снова поставленным во всю ширь вопрос о заложниках.

Приводим соответствующий отрывок из протокола:

«Гражданин Урбэн передаст собранию рапорт лейтенанта Бютена, сообщающего о факте изнасилования и убийства ухаживавшей за ранеными санитарки.

«Урбэн Этот рапорт подписан лейтенантом Бютеном, 3-й роты 105-го батальона.

«Я требую, чтобы Коммуна или Комитет общественного спасения вынесли постановление о том, что десять из находящихся в наших руках заложников будут расстреляны не позднее суток

⁵⁹ Бор Волин — Парижская коммуна по донесениям царского посла, стр. 42—43.

⁶⁰ М. Вильом — В дни Коммуны, стр. 55.

⁶¹ Дело в том, что, если расстрел Дарбуа прямо-таки входил в виды Тьера, то относительно других заложников это вряд ли в зможло предположить.

в отпущение за убитую санитарку и за нашего парламентаря, встреченного, вопреки всем человеческим законам, ружейными выстрелами. Я требую, чтобы пять из этих заложников были торжественно расстреляны внутри города перед делегатами от всех батальонов, а другие пять — на аванпостах, на глазах национальных гвардейцев, бывших свидетелями убийства. Я надеюсь, что мое предложение будет принято.

«Ж. Б. Клеман. Я поддерживаю предложение Урбэна: я получил известия от одного моего родственника, бывшего в плену в Версале. Наши пленные подвергаются там самому зверскому обращению; им дают только немного хлеба и воды; их осыпают оскорблениями и бьют прикладами. Надо положить этому конец...

«Рауль Риго, прокурор Коммуны. Я предлагаю следующие проект декрета.

«Парижская коммуна, в виду настоятельной необходимости постановляет:

«Ст. 1. Обвинительному жюри временно предоставляется право по делам о политических преступлениях назначать наказания немедленно после признания обвиняемых виновными.

«Ст. 2. Наказания будут назначаться большинством голосов.

«Ст. 3. Они будут приводиться в исполнение не позднее двадцати четырех часов.

«Рауль Риго Урбэн, Л. Шален.

«Мое мнение, что следует со всей энергией отвечать на версальские убийства, но при этом надо поражать виновных, а не первых попавшихся. Я предпочел бы скорее выпустить всех виновных, чем поразить хотя бы одного невиновного.

«Между задержанными нами людьми есть настоящие преступники, которых следует считать больше, чем простыми заложниками. Но жребии может пасть на менее виновных и пощадить более значительных преступников.

«В ожидании, когда правосудие будет вполне организовано, я считаю полезным учредить трибунал для расследования подобных преступлений. Полагаю также, что мы не должны считаться с давностью при разборе таких дел. Я ставлю на одну доску сторонников Версаля и сообщников Бонапарта.

«Председатель (Лео Мелье). У нас есть предложение, исходящее от гражданина Урбэна.

«Урбэн. Если собрание решит, что репрессии не замедлят...

«Рауль Риго, прокурор Коммуны. Заседание обвинительного жюри назначено на позавтра.

«Урбэн. Если нам дадут возможность применять репрессии на законном основании, в приемлемых формах и в то же время без замедления, я буду удовлетворен.

«Председатель. Вот предложение Урбэна:

«В виду настоятельной необходимости,

«Коммуна постановляет:

«Десять заложников, назначенных обвинительным жюри, будут расстреляны в наказание за совершенные версальцами убийства и в особенности за убийство санитарки, расстрелянной ими вопреки всем законам человечности.

«Пятеро из этих заложников будут расстреляны внутри города в присутствии национальной гвардии.

«Пятеро других—на аванпостах, возможно ближе к месту, где было совершено убийство.

«У р б э н».

«Прото. Относительно проекта, представленного гражданином Риго, я заявляю, что обвинительное жюри может высказаться только по вопросу о фактах, и что не существует наказаний за те преступления, о которых говорит гражданин Риго. Сперва надо определить, какие наказания налагать за них.

«А м у р у. Я стою за применение репрессий. Месяц тому назад мы опубликовали декрет, который на некоторое время положил конец зверствам версальцев; но так как, в конце концов, ничего сделано не было, то версальцы возобновили свои убийства. Теперь, в виду происходящего, спрашиваю, как применяется закон о заложниках? Должны ли мы судить всех, задержанных под этим именем? Но разве версальцы судят наших национальных гвардейцев? Они хватают и расстреливают их тут же, на большой дороге. Будем же и мы действовать так и за каждого убитого из наших братьев отвечать тройным числом казней. У нас есть заложники, среди них несколько священников, начнем с них—версальцы дорожат ими больше, чем солдатами.

«В а л ь я н. Признаюсь, я чувствую себя очень смущенным: сам я считаю себя некомпетентным в занимающем нас важном вопросе, а оба компетентные лица нашего собрания держатся о нем совершенно противоположных взглядов. Не находите ли вы полезным, чтобы граждане Прото и Риго столкнулись между собой и предложили нам какое-нибудь общее решение?

«Прото, делегат юстиции. Нам незачем принимать какие-нибудь новые решения. Пусть прокурор Коммуны передаст двум первым секциям обвинительного жюри лиц, отданных им под суд.

«Рауль Риго, прокурор Коммуны. В настоящих обстоятельствах это меня не удовлетворяет.

«П и л ь о. Не будем упускать из вида предмета нашего обсуждения, т. е. предложения Урбэна. Великая задача данного момента—уничтожить врагов. Мы переживаем революционное время и должны действовать революционными средствами; надо учредить трибунал, который судил бы и приводил в исполнение свои приговоры...

«Ф и л и п п, делегат XII округа. Мы подвергаемся ударам беспощадной реакции. Необходимо принять энергичные меры; пусть

знают, что мы твердо решили разбить все препятствия, которые стоят на пути к торжеству революции.

«У р б э н. Если поставят на голосование проект Риго, то я снимаю свое предложение.

«В а л ь я н. Если обвинительное жюри действует регулярно, то нет надобности в особых предложениях. Достаточно применить декрет Коммуны о репрессиях, уполномочив граждан Риго и Прото привести его в исполнение.

«Прото, делегат юстиции. Если бы мне удалось предварительно поговорить с прокурором Коммуны, я доказал бы ему, что потребуются по меньшей мере пятнадцать дней для суда над всеми обвиняемыми в сообщничестве с Версалем.

«Скрывшиеся от суда должны были уже быть осуждены заочно.

«Рауль Риго, прокурор Коммуны. Согласно кодексу, присяжные не компетентны судить заочно. Нужно, чтобы они представляли собой настоящий революционный трибунал.

«Председатель вторично зачитывает предложение гражданина Рауля Риго: Я ставлю его на голосование.

«Прото, делегат юстиции. Я предлагаю отложить голосование до завтра.

«Режер. Да, до завтра!

«Лео Франкель. Я прошу слова.

«Председатель. Поступило предложение передать все имеющиеся проекты в комиссию, составленную из граждан Прото и Риго.

«Режер. И третьего члена; я предлагаю гражданина Паскаля Груссе. (Движение).

«Прото. Декрет Коммуны гласит, что палата, состоящая из двенадцати присяжных решает участь обвиняемых в сообщничестве с Версалем. Я требую, чтобы этот декрет был приведен в исполнение.

«У р б э н. Я требую, чтобы мое предложение было поставлено на голосование.

«Прото. Уже отдано распоряжение о приводе заключенных на суд обвинительного жюри.

«У р б э н. В таком случае я присоединяюсь к порядку дня, но объявляю, что, если декрет не будет приведен в исполнение, я возобновлю свое предложение на другой же день.

«А м у р у, один из секретарей заседания, читает следующий декрет:

(оглашается декрет 5 апреля о заложниках).

«Председатель. Вот мотивированный переход к порядку дня, который я ставлю на голосование:

«Коммуна, ссылаясь на свой декрет от 5 апреля 1871 г., требует немедленного приведения его в исполнение и переходит к очередным делам».

фоломеевской ночи! Око за око!—а вот уже целые века, что мы слепы.

«И молчите про вашего бога! Мы больше не боимся этого пугала, которое уже слишком долго служит поводом для разбоя и убийств! Ведь это во имя вашего бога Вильгельм напивался целыми ручьями нашей крови; ведь это во имя вашего бога идет сейчас бомбардировка Терн!

«Мы плюем на бога!

«Собаки перестанут скоро удовлетворяться тем, чтобы только смотреть на епископа, и начнут их кусать. Наши пули не будут больше сплющиваться о ваши кресты. Ни один голос не возвысится, чтобы проклясть нас, когда будет расстрелян архиепископ Дарбуа.

«Пусть знают об этом г.г. Тьер и Фавр!

«Мы взяли Дарбуа в качестве заложника и он умрет, если нам не вернут Бланки.

«Коммуна поклялась в этом и, если она дрогнет, то народ сам выполнит ее клятву!

«И не смейте его обвинять в этом!

«Пусть начнется правосудие трибуналов», восклицал Дантон после сентябрьских убийств, «это остановит правосудие народа».

«О, я сильно боюсь за монсиньора, парижского архиепископа.

«Гюстав Марото»

Если такова была точка зрения Гюстава Марото еще 21 апреля, т. е. тогда, когда декрет 5 апреля вызвал временное прекращение версальских зверств, то легко себе представить, сколь мало должно было удовлетворить его принятое при совершенно изменившейся обстановке постановление Парижской коммуны от 17 мая. Но не желая, повидимому, открыто нападать на Коммуну, Марото вместо того, чтобы критиковать это постановление, предпочел толковать его в своем собственном духе, а вовсе не в том духе, в каком оно было составлено. Именно такое толкование находим мы в статье «Заложники», напечатанной 18 мая в № 3 газеты Гюстава Марото «Общественное спасение», сменившей его прежнюю «Гору».

Статья эта начинается с указания, что парижские попы продолжают свое предательское дело помощи версальцам. Именно их делом, говорит «Общественное спасение», является повлекший за собой многочисленные жертвы взрыв патронного завода на улице Рапп. И дальше газета продолжает:

«Они не смогут даже отрицать своего участия в этих преступлениях, так как удалось захватить нескольких их эмиссаров. Кроме того, бесспорным доказательством их виновности является то, что проживавшие поблизости от места взрыва монахи были заранее предупреждены, что им следует переселиться.

«Поэтому Коммуна решила привести в исполнение закон о заложниках. Для начала будут расстреляны несколько человек из арестованных.

«Мы думаем, что это не вызовет ничьих протестов и, как этого требовал гражданин Амуру, аресты начнутся со священников.

«Это вполне справедливо, раз именно они являются источником зла».

Ареста священников требует и статья, помещенная в № 68 от 3 прериаля (т. е. 23 мая) «Отца Дюшена», еще задолго до того нагтаивавшего на решительном проведении системы красного террора⁶⁵.

«Дела идут, чорт побери!

«Но зато поповские дела плохи!

«И, в конце концов, они сами виноваты в этом больше, чем Отец Дюшен.

«Понятие попа равнозначуще понятию врага народа.

«И мерзавца, который стремится вставлять палки в колеса Революции, этого вечного символа Права и Справедливости, живою картины Прогресса.

«Попы!

«О, патриоты, Отец Дюшен уже чертовски давно не бросал взгляда на действия этих мерзавцев!

«Проклятие! Мы будем неустанно повторять:

«Именно им обязаны мы всеми мерзостями, вечно влугывающими нас во всякие грязные истории.

«Но они, чорт возьми, ответят за все!

«Тем более, что они заставляют о себе говорить.

«Но Отец Дюшен не сплетник и не станет поэтому повторять нам всех слышанных им гадостей, которые он, впрочем, считает истиннейшей правдой.

«Это значило бы даром терять время и притом в момент, когда оно нам особенно дорого.

«И, мимоходом, он считает своим долгом сказать гражданину делегату по общей безопасности,

«Что не следует тратить слишком много внимания на эти ро-ыски.

«Ибо теперь, чорт возьми, нужно думать прежде всего о спасении Коммуны!

«Дело чрезвычайно просто—

«По крайней мере, так как понимает его отец Дюшен:

⁶⁵ Так, например, в своем № 59 от 24 флореаля (14 мая).

„Отец Дюшен“ писал:

— Расстреливайте!

— Гильотинируйте!

— И революция будет спасена.

— Но, ведь это, скажут нам, террор?

— Да, террор!

— Неужели вы не понимаете,

— Что пель оправдывает средства!

— Ведь 500 отрубленных голов спасут 500.000 душ!

«Распространяются слухи о какой-нибудь такке для совершения месс, в которой творятся странные вещи?»

«Так вот, что сделал бы Отец Дюшен, если бы он сидел в Обществе безопасности:

«Он прежде всего спал бы всех попов, посещающих данную лавку, и сделал бы это в два счета!

«И затем наложил бы на нес печати!

«А когда будет время, можно будет как следует выяснить дело в назидание патриотам.

«И тем самым доставить великую радость Отцу Дюшену.

«Вот, как следует поступать!

«И если найдутся дураки, которые по этому поводу заявят:

«Нужно сперва произвести следствие, ибо нельзя же сажать в тюрьму невинных,—

«Невинных, черт возьми! Это попы-то! Нет, слишком уж долго держат они нас, черти, в своих проклятых иезуитских лапах!»

В то время, как «Отец Дюшен» призывал, таким образом, только к аресту всех заподозренных священников, «Общественное спасение» в своем № 6 от 22 мая (следовательно, написано тогда, когда версальцы были уже внутри Парижа) призывает парижский народ к прямой расправе с заложниками:

«Неужели и сейчас найдутся еще дураки, которые будут проповедывать мягкость и лицемерие, которые посмеют осуждать нашу строгость?»

«Прихвостники монархистов, императорская клика, божьи ставленники, белое и черное духовенство—готовы на все, лишь бы остановить шествие народа. Да оно и понятно—ведь они защищают свои огромные монополии и спасают свои бесчисленные доходы и спекуры.

«Рядом с ними стоят мерзавцы, живущие крошками с их стола, и негодяи, богатеющие от их преступлений. Они рыскают по городу, исподтишка организуют заговоры и разыскивают продажные совести.

«Не имея возможности победить нас силой, они пользуются изменой: на наши проклятия они отвечают молитвами; нашему свинцу они противопоставляют свое золото.

«О, когда я думаю обо всем даром потерянном времени, о бесполезно рассыпанном порохе, о напрасно пролитой крови, которую бы нам ничего не стоило сохранить!

«А мы ведь могли удавить орла в его зародыше и тысячами выстрелов убить скверные мысли в порождающих их злокозненных черепах!

«А вместо этого мы только миндальничали! Наши угрозы оказались простыми словами и наши шпаги ржавеют в их ножнах! А в это самое время предместья пустыют, солдаты падают тычками и Революция не двигается.

«Неужели, как это утверждают наши враги, она представляет не что иное, как фарс и пуховскую пародию?..

«... Коммуна объявила Дарбуа заложником...

«Бланки нам не возвращен, но Дарбуа все еще жив.

«А старик ⁶⁶, тот, может быть, уже мертв!..

«Коммуна избрала Комитет общественного спасения, но теперь вместо того, чтобы сплотиться вокруг него, она дезертирует. Она учредила военный суд, но в то время, когда кругом столько изменников, суду предаются только мелкие сошки.

«Неужели же вы дадите связать нас живыми? Разве вы не чувствуете обволакивающие нас со всех сторон сети?»

«Бедные товарищи с мозолистыми руками! Вы будете вечно жертвами глупости или подлости тех, кто хочет вами управлять. Но этого не должно быть!

«Пусть же Комитет общественного спасения издаст безжалостные декреты и немедленно приведет их в исполнение! Если же нашим друзьям помешают наказывать преступников, то сделайте это сами! Расстреляйте их как вы расстреляли Клемана Тома и Лежанта!»

«Гюстав Марото».

Призыв Марото был услышан не далее, как через два дня—24 мая, когда изгнанная победоносным наступлением вступавших 21 мая в Париж версальцев, Парижская коммуна из здания Ратуши перешла в мэрию XI округа, а заложники из тюрьмы Мазас были переведены в находившуюся почти рядом с этой мэрией—Дарбукетт. К этому времени торжествовавшие победу версальцы уже успели совершить немалое количество неслыханных по своей жестокости зверств над попавшими в их руки национальными гвардейцами. Неудивительно, что при известии об этих зверствах, а также и о быстром продвижении версальцев по левому берегу Сены, защищавшие последние позиции Коммуны федераты пришли в неистовую ярость и потребовали немедленного расстрела находившихся по соседству заложников.

Пять священников, расстрелянных 24 мая, не были единственными церковниками, казненными в эти дни. Неслыханные зверства, которыми ознаменовывалось каждое продвижение версальцев по улицам Парижа, имели своим следствием невероятное озлобление федератов, перед своей неизбежной гибелью решивших расправиться с теми заложниками, с которыми так долго церемонилась Коммуна. Естественно, что наряду со светскими (банкир Жеккер, бывшие жандармы, провокаторы и т. д.) к ответу были призваны и попы.

25 мая были расстреляны пять доминиканских монахов из Конгрегации, арестованных 19 мая по обвинению в оказании помощи версальцам. 26 мая на улице Агас, невзирая на все угрозы оказавшихся по соседству членов Коммуны Авриала, Куртуа, Валлеса и Варлена были расстреляны 50 заложников, взя-

тых отрядом национальных гвардейцев из тюрьмы Ла-Рокетт. Среди них было десять церковников: иезуитов и монахов монастыря Пикпюс.

Само собой разумеется, что расстрел заложников был широко использован версальцами. Не говоря уже о ряде судебных процессов, начатых как против их действительных участников, так и против совершенно непричастных людей (процессы эти закончились рядом смертных приговоров), буржуазная пресса всех оттенков воспользовалась смертью заложников для оправдания того

парижского архиепископа? В июне 1848 г. буржуазия и ее армия восстановили давно уже исчезнувший военный обычай—расстреливание беззащитных пленных. После этого этот зверский обычай более или менее часто практиковался при всех расправах с народными восстаниями в Европе и Индии,—что ясно доказывает, что он является действительным «прогрессом цивилизации»!

«С другой стороны, пруссаки во Франции снова ввели обычай брать заложников—ни в чем не повинных людей, которые своей жизнью должны были отвечать за действия других. Когда Тьер, еще в начале войны, ввел гуманный обычай расстреливания пленных коммунаров, у Коммуны не оставалось больше никаких средств для спасения жизни этих пленных, как прибегнуть к прусскому обычаю брать заложников. Продолжая после этого расстреливать пленных, версальцы сами отдавали на казнь своих заложников.

«Как же можно было еще долгие падить их жизнь после той кровавой бани, которой преторианцы Мак-Магона отпраздновали свое вступление в Париж? Неужели и последняя мера самообороны против зверской жестокости буржуазии—взятие заложников—должна была остаться только шуткою? Истинный убийца архиепископа Дарбуа—Тьер. Коммуна несколько раз предлагала обменять архиепископа и ряд других попов на одного только Бланки, которого так крепко держал Тьер. Но последний упорно отказывался пойти на это. Он знал, что в лице Бланки он даст Коммуне голову, архиепископ же гораздо более будет ему полезен, когда будет... трупом!»⁶⁸

жесточайшего белого террора, который последовал за подавлением Парижской коммуны. Расчет Тьера оказался правильным—ведь с точки зрения буржуазного «правосудия» один только труп Дарбуа вполне оправдывал те десятки тысяч трупов, которые были ближайшим последствием «порядка, труда и безопасности»⁶⁹, принесенных в Париж на штыках версальской солдатчины!

Совершенно иначе зато отнесся к расстрелу заложников мировой пролетариат. Вот что мы читаем по этому поводу в датированном 30 мая 1871 г. воззвании Генерального совета интернационала, автором которого, как известно, был Карл Маркс:

«А произведенная Коммуной казнь 64 заложников, в том числе

⁶⁸ Из воззвания маршала Мак-Магона от 28 мая 1871 г.

⁶⁹ К. Маркс: - Гражданская война во Франции в 1871 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

«Для победоносно социальной революции,—говорит В. И. Ленин,—нужна наличность, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовленность пролетариата. Но в 1871 г. оба эти условия отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит, и Франции была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.). С другой стороны, не было ни лица рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно представлял себе свои задачи и способы их осуществления»⁷⁰.

Вот эти-то две причины и в особенности вторая (которая, впрочем, само собой разумеется, полностью вытекает из первой) из них, и явились, как известно, основным источником всех допущенных Парижской коммуной ошибок. Исключением из этого является и антирелигиозная политика Коммуны.

Нам уже приходилось указывать, что, несмотря на ярко выраженное антирелигиозное настроение рабочих масс, далеко не все партии Парижской коммуны разделяли это настроение или, говоря точнее, были готовы сделать все, вытекающее из него, практические выводы. Именно такова, как мы знаем, была позиция прудонистов и бакунистов. Что же касается якобинцев и бланкистов, то первые действовали скорее по интуиции, чем по убеждению, а вторые, будучи боевыми антирелигиозниками, совершенно не понимали глубоких корней религиозного дурмана и в силу этого неправильно строили свою тактику⁷¹.

Вот из этих-то кардинальных недостатков позиции в вопросах религиозной и церковной политики всех без исключения партий Парижской коммуны и вытекают все, сделанные Коммуной в соответствующей области, основные ошибки, которые могут быть сведены к следующим:

1. Декрет 2 апреля об отделении церкви от государства

⁷⁰ Ленин — Памяти Коммуны, собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 277.

⁷¹ Впрочем, как вполне правильно замечает, говоря о прудонистах и бланкистах, Энгельс (во введении к третьему изданию марксовой „Гражданской войны во Франции в 1871 г.“), „как обыкновенно бывает, когда власть попадает к доктринерам, и те и другие делали — по истории истории — как раз противоположное тому, что им предписывала их школьная доктрина“ (Маркс, „Гражданская война во Франции в 1871 г.“, изд. „Прибой“, 1926 стр. 95).

В частности, произведенное Коммуной разоблачение преступлений церковников (см. выше, гл. VI), без всякого сомнения, сыграло огромную роль в деле уничтожения того религиозного дурмана, коим еще были окутаны наиболее отсталые слои парижского рабочего класса.

остался в значительной мере простой декларацией, так как Коммуна не наметила методов его практического осуществления.

2. Блестяще справившись с задачей превращения религиозного воспитания в школах в воспитание аполитическое, Коммуна даже не поставила вопроса о введении воспитания антирелигиозного.

Кроме того, Коммуна ничего не сделала в направлении антирелигиозной пропаганды среди взрослых⁷².

Однако, огмывая эти ошибки, нельзя вместе с тем не подчеркнуть и огромного исторического значения антирелигиозной политики Парижской коммуны. Здесь, как и в отношении многого другого, более чем уместно вспомнить фразу Ф. Энгельса, что «поразительно то обстоятельство, что Коммуна, состоявшая из бланкистов и прудонистов, часто поступала, несмотря на это, совершенно правильно»⁷³.

Не говоря здесь уже о том, что вся деятельность Коммуны в этом направлении была одним из важнейших звеньев в предприятии ею деле разбития буржуазного государственного аппарата, следует также помнить, что декрет 2 апреля и все последующие мероприятия были первым в истории человечества опытом организованной борьбы с религией со стороны пришедшего к власти пролетариата.

Невзирая на все, допущенные ею, ошибки, Парижская коммуна и здесь, как и во всех остальных сторонах своей деятельности, проложила путь для последующих пролетарских поколений, и в этом, без всякого сомнения, заключается основное историческое значение антирелигиозной политики Коммуны 1871 г.

⁷² Мы не касаемся здесь медальности и негеральдности Коммуны в отношении заложников, так как вопрос этот выходит за рамки ее антирелигиозной политики и связан с более широким вопросом о терроре.

⁷³ Из предисловия Энгельса к „Гражданской войне во Франции в 1871 г.“, изд. „Прибой“, 1926 стр. 95.